Изданіе В. И. Яковенко.
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССІИ.

№ 4.

Ник. Андреевъ.

УДѢЛЬНАЯ ИЛИ КНЯЖЕСКАЯ РУСЬ.

Съ 18-ью рисунками
и 2 картами.

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1910.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

991818

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. **Заселеніе Ростово-Суздальскаго края.** 5

Природа Ростово-Суздальской земли. Первые славянскіе поселенцы. Дѣятельность по заселенію края Юрія Долгорукаго и Андрея Боголюбскаго. Образованіе великорусскаго племени.

II. **Экономическій или хозяйственный укладъ жизни въ Суздальскомъ краѣ** 10

Охота. Земледѣліе. Складничество, его возникновеніе и распаденіе (въ земледѣліи). Укрѣпленіе земледѣльческаго хозяйства. Возникновеніе зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ. Хозяйство князя, боярина и монастыря. Промыслы и торговля.

III. **Общественный и политическій строй Удѣльной Руси** 20

Удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія. Дробленіе удѣловъ. Вражда между удѣльными князьями. Бояре и ихъ отношеніе къ князю. Зависимое положеніе крестьянъ. Подати, пошлины и повинности населенія. Княжескіе намѣстники и волостели. Тяглыя общины. Бояринъ—правитель въ своей вотчинѣ и помѣстьѣ. Боярская дума удѣльнаго князя. Упадокъ вѣча. Удѣльный порядокъ и феодализмъ.

IV. **Татарское нашествіе.** 39

Родина татаръ. Образованіе монгольской державы. Первая встрѣча русскихъ съ татарами на рѣкѣ Калкѣ. Нашествіе Батыя и разгромъ Руси. Поселеніе татаръ на нижней Волгѣ. Нравы и обычаи татаръ. Русь послѣ разгрома. Татарская дань. Баскаки. Отношеніе князей къ Ордѣ.

V. **Собираніе Руси Москвою.** 54

Причина возвышенія Московскаго княжества. „Примыслы“ Ивана Калиты и другихъ князей. Борьба съ Тверью. Дружба съ Ордой. Усиленіе Москвы. Переѣздъ митрополита изъ Владимира въ Москву. Первая побѣда надъ татарами. Нашествіе Тахтамыша. Москов-

Стр.

ское княжество не дробится на удѣлы. Ограниченіе самостоятельности удѣльныхъ князей и права боярскаго отъѣзда. Нашествіе Тимура и набѣгъ Эдигея. Послѣдняя попытка ослабить власть Московскихъ князей и ея неудача. Паденіе Византіи и вліяніе этого событія на возвеличеніе власти Московскаго князя.

VI. **Церковь въ Удѣльной Руси** 70

Число епархій. Церковное хозяйство. Татары и духовенство. Выборъ священниковъ. Симонія. Зависимость высшаго духовенства отъ великихъ князей. Поддержка духовенствомъ стремленія московскихъ князей къ единовластію, причины этого. Москва становится церковной столицей Руси. Ростъ монастырей. Распространеніе христіанства среди инородцевъ.

VII. **Нравы и просвѣщеніе** 77

Условія жизни. Невѣжество и отсутствіе грамотности въ народѣ. Нелѣпыя понятія о татарахъ, сказка о Гогѣ и Магогѣ. Безсиліе въ борьбѣ съ голодовками и повальными болѣзнями. Суевѣрія и борьба съ ними лучшихъ представителей духовенства. Удаленіе „въ пустыню“. Грубость и жестокость нравовъ. Раболѣпіе и хитрость—какъ добродѣтели. Литература. Искусство.

Главнѣйшія пособія, которыми пользовался авторъ при составленіи книги:

Ключевскій. Курсъ русской исторіи.
— Боярская дума древней Руси.
Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры, I и II.
Рожковъ. Обзоръ русск. ист. съ соціолог. точки зрѣнія I.
— Городъ и деревня въ русской исторіи.
Аристовъ. Промышленность древней Руси.
Бѣляевъ. Крестьяне на Руси.
Соловьевъ. Исторія Россіи, III и IV.
Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія.
Павловъ-Сильванскій. Феодализмъ въ Удѣльной Руси.
Пыпинъ. Исторія русской литературы. II.

I.

Заселеніе Ростово-Суздальскаго края.

Въ концѣ 12 вѣка звѣзда «стольнаго града Кіева» закатилась. Половецкіе набѣги, междуусобія князей и гнетъ богачей раззоряли населеніе приднѣпровскихъ областей. И оно стало уходить туда, гдѣ просторнѣе и вольготнѣе жилось простому трудовому люду. Такимъ мѣстомъ въ то время была обширная область, лежавшая по верхнему теченію Волги и ея многочисленнымъ притокамъ. Здѣсь-то, въ верхне-волжской землѣ, переселенцы съ юго-запада и нашли свою вторую родину. Что же это за страна и чѣмъ привлекала она къ себѣ поселенцевъ съ юга? Климатъ болѣе суровый, почва менѣе плодородная, больше дичи и глуши, — что тутъ хорошаго по сравненію съ благодатными приднѣпровскими землями? Здѣсь жило мало народу; на сотни и тысячи верстъ тянулись тутъ никому не принадлежавшія земельныя пространства; вотъ эти-то просторъ и ширь и привлекали сюда поселенцевъ. Но, главное, не было здѣсь еще богатыхъ купцовъ и бояръ, князья еще не усѣлись здѣсь прочно и дикія половецкія полчища не добѣгали до этихъ мѣстъ,—есть гдѣ развернуться трудовому люду, а суровость климата и скудость почвы мало смущали этотъ людъ. И широкимъ потокомъ двинулись сюда переселенцы съ юга.

Не легко было устроиться на новыхъ мѣстахъ. Обширныя болота покрывали низменности; всюду тянулись обшир-

ные, иногда непроходимые лѣса. До чего затрудняли лѣса и болота передвиженіе, видно изъ разсказа лѣтописца о походѣ тверского князя Михаила Ярославича на Новгородъ въ 1316 г., т. е. въ началѣ 14 вѣка. Лѣтописецъ пишетъ: «и пойде къ Новугороду рать и увернуся на Ловати изъ Устьянъ и заблудися въ озерѣхъ и болотахъ, и начаша воины его мерети голодомъ, ядяху конину и съ щитовъ кожу сдираша, а снасть (обозъ) свою всю позгоша». Такъ было въ Поволжьѣ въ началѣ 14 вѣка, въ 12 в. непроходимыя топи болотныя и дебри лѣсныя встрѣчались гораздо чаще. Но не вездѣ же была топь и лѣсная глушь. Нерѣдко попадались сухія возвышенныя мѣста, гдѣ и лѣсъ росъ не густо, и обширныя поляны встрѣчались. Такія свободныя отъ лѣса пространства въ то время называли «полями», и здѣсь-то и устраивались переселенцы изъ южной Руси. Вся верхне-волжская земля пересѣчена цѣлой сѣтью рѣкъ и рѣчекъ. Волга, болѣе широкая и многоводная, чѣмъ теперь, пересѣкаетъ ее съ запада на востокъ. Ея притоки, большіе и малые, текутъ по всѣмъ направленіямъ и соединяютъ съ ней всѣ концы обширнаго Поволжья. По рѣкамъ и пробирались люди въ глубь страны, вдоль рѣкъ построили они свои селенія, рѣки служили единственными удобными путями изъ одной мѣстности въ другую.

Страна эта издавна заселена была финнами [1]). Ихъ небольшія селенія и одинокіе дворы ютились вдоль рѣкъ, на опушкѣ лѣсовъ, далеко другъ отъ друга. Старожилы вовсе не враждебно относились къ пришельцамъ, если только тѣ сами не трогали ихъ. Но и у переселенцевъ не было причинъ затѣвать ссоры съ туземцами. Во-первыхъ, земли на всѣхъ хватало; во-вторыхъ, до 12 вѣка

---

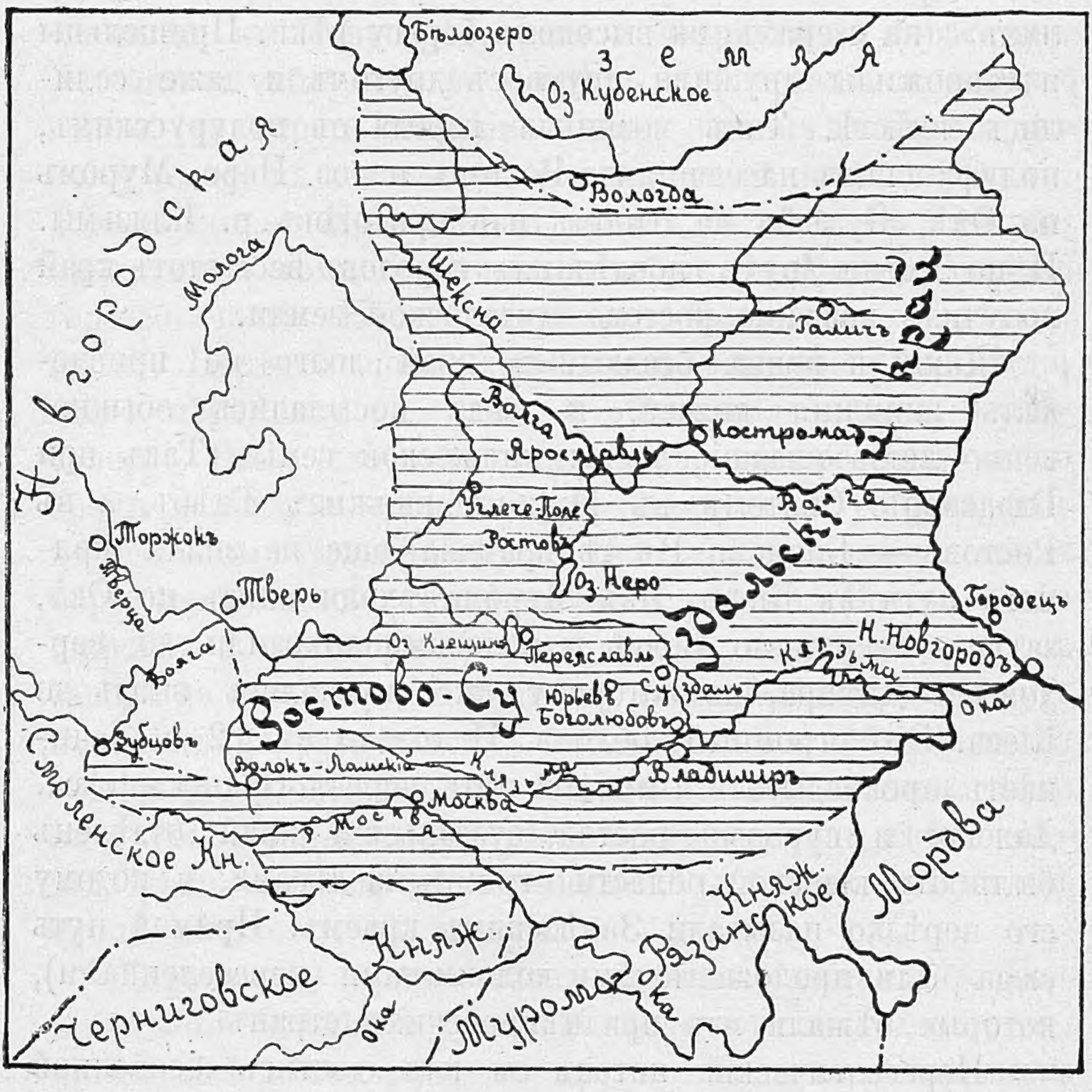
[1]) См. о нихъ кн. № 1 „Доисторическая и древнѣйшая Русь“.

поселенцы являлись сюда небольшими группами, иногда одной семьей. Это были вначалѣ по преимуществу славяне ильменскіе, кривичи изъ смоленской земли, вятичи и сѣверяне. Селились они на окраинѣ лѣса, въ «поляхъ», на озерахъ, на высокомъ берегу рѣки. Пришельцы и старожилы дружили другъ съ другомъ и даже селились вмѣстѣ. Такъ возникли города съ полурусскимъ, полуфинскимъ населеніямъ: Ростовъ на оз. Неро, Муромъ на Окѣ, Суздаль на одномъ изъ притоковъ р. Клязьмы. И по имени двухъ послѣднихъ городовъ весь этотъ край получилъ названіе ростово-суздальской земли.

Дикій и почти безлюдный край долго не привлекалъ вниманія князей, и сюда посылались обыкновенно лишь младшіе члены княжеской семьи. Такъ при Владимірѣ Святомъ въ Муромѣ княжилъ Глѣбъ, а въ Ростовѣ — Борисъ. Въ тѣ времена еще не знали прямого пути въ Кіевъ. Изъ Мурома ѣхали внизъ по Окѣ, затѣмъ вверхъ по Волгѣ и волоками доходили до верховьевъ Днѣпра, по которому уже спускались внизъ до Кіева. Это огромный обходъ. И только въ 12 в. начинаетъ прокладываться прямой путь черезъ Брянскіе лѣса. Далекій и суровый ростово-суздальскій край отдѣленъ былъ отъ кіевской области огромными лѣсами, и потому его нерѣдко называли Залѣсскимъ краемъ. Прямой путь сюда былъ проложенъ тѣми колонистами (переселенцами), которые бѣжали изъ приднѣпровскихъ странъ.

Переселенческій потокъ съ юга достигъ особенной силы въ то время, когда въ ростово-суздальской землѣ княжилъ одинъ изъ сыновей Владимира Мономаха, Юрій Долгорукій (съ 1096 года). Этотъ князь, а также и его сынъ, Андрей Боголюбскій, поняли, что переселенцы оживятъ ихъ суровый край и стали усиленно покровительствовать новоселамъ. Они освобождали ихъ на многіе

годы отъ повинностей, подбирали для нихъ подходящія мѣста, и во время ихъ княженія въ малолюдной суздальской землѣ выросло много новыхъ городовъ. Въ 1134 г.



I. Карта Ростово-суздальскаго края.

Юрій построилъ городъ Конятинъ на Волгѣ, въ 1147 г. впервые упоминается Москва, въ 1152 г. выростаетъ г. Юрьевъ Польскій (т.-е. «въ полѣ») и Переяславль Залѣсскій, въ 1154 г. на рѣкѣ Яхромѣ Юрій основалъ

г. Дмитровъ, въ 1158 г. Андрей Боголюбскій построилъ Боголюбовъ на р. Клязьмѣ пониже Владиміра, который возникъ еще при его отцѣ. При жизни этихъ-же князей возникло много и другихъ городовъ въ Поволжьѣ: Тверь, Городецъ на Волгѣ, Кострома, Стародубъ на Клязьмѣ, Галичъ, Звенигородъ, Вышгородъ и др. Большинство этихъ городовъ построены южно-русскими переселенцами, которые даже и назвали ихъ именами тѣхъ городовъ, которые существовали на ихъ старой родинѣ, въ Приднѣпровьѣ: Стародубъ, Галичъ, Вышгородъ, Звенигородъ— все это южныя названія.

Такъ заселялся ростово-суздальскій край. Одновременно происходила важная и огромная перемѣна въ составѣ населенія этого края. Пришлые люди изъ Кіевской, Черниговской и Переяславской земли, чистокровные славяне, встрѣтили здѣсь, какъ сказано, старожиловъ-финновъ. По нижней Окѣ жило племя Мурома, около озеръ ростовскаго и переяславскаго раскинулись селенія Мери, а по Бѣлоозеру жила Весь. Между старожилами и пришлыми установились мирныя отношенія. Нерѣдко русская дѣвушка выходила замужъ за финна, а финская женщина становилась женою русскаго. Часто финны и русскіе жили въ одномъ мѣстѣ; такъ населеніе Мурома и Ростова было полурусскимъ, полуфинскимъ. Русскіе были культурнѣе (развитѣе, образованнѣе) финновъ, и поэтому многому могли научить этихъ послѣднихъ. Мало-по-малу, въ теченіе 12—15 вѣковъ финны переняли русскій языкъ, одежду и обычаи, обрусѣли. Но и русскіе измѣнились. Отъ смѣшанныхъ браковъ получались дѣти съ чертами обоихъ родителей. По своей внѣшности (черты лица, цвѣтъ волосъ и глазъ, ростъ) они уже не похожи были на чистокровныхъ славянъ и чистокровныхъ финновъ, но имѣли особенности тѣхъ и дру-

гихъ вмѣстѣ. И языкъ русскій отчасти измѣнился: въ немъ появилось много финскихъ словъ и оборотовъ рѣчи. Изъ такого сліянія финновъ и русскихъ произошло великорусское племя. Въ настоящее время въ тѣхъ губерніяхъ, которыя расположены на мѣстѣ бывшаго ростово-суздальскаго края, нѣтъ финновъ совсѣмъ, но слѣды ихъ сохранились въ названіяхъ рѣкъ, деревень и городовъ. По фински вода называется ва, а сколько попадается рѣкъ съ такимъ окончаніемъ: Москва, Протва, Салва, Косва и проч.! Самое названіе Оки финское, передѣланное на русскій ладъ. Не мало рѣкъ и рѣчекъ въ центральной Великороссіи носятъ имена Мери и Веси, бывшихъ финскихъ племенъ. Уѣздный городъ Тверской губерніи Весьегонскъ напоминаетъ то, что здѣсь жила когда-то Весь, которую русскіе звали Весь егонская. Городъ Муромъ на Окѣ возникъ въ землѣ племени Муромы.

II.

Экономическій, или хозяйственный укладъ жизни въ Суздальскомъ краѣ.

Съ трудомъ отыскавъ среди лѣсовъ и болотъ сухой пригорокъ, поселенецъ ставилъ здѣсь свою избу. Одна,—двѣ, рѣдко три избы—вотъ первоначальныя селенія пришельцевъ. Чѣмъ же и какъ добывалъ онъ себѣ пропитаніе? Болотистая, заросшая лѣсомъ почва съ чрезвычайнымъ трудомъ поддавалась обработкѣ. Да и не очень привыкъ поселенецъ къ земледѣлію. На старой своей родинѣ онъ занимался охотой, пчеловодствомъ и немного скотоводствомъ. И зачѣмъ ему было мѣнять обычныя свои занятія на другія, когда и въ новой сторонѣ много водилось всякаго звѣря и птицы? По словамъ одного

«житія», здѣсь «біяху звѣри много, лоси и елени (олени) и зубре же и буйволы и лисицы и серны, волцы же и медвѣди». Охотнику и звѣролову открывался широкій просторъ для дѣятельности. И дѣйствительно, въ 12 и въ теченіи бо́льшей части 13 вѣка въ Ростово-Суздальскомъ краѣ населеніе занималось, главнымъ образомъ, охотой, ловлей птицъ и звѣрей и лишь немного земледѣліемъ, т.-е. оно продолжало вести то же хозяйство, что и на прежней своей родинѣ.

Трудно было выбрать удобное мѣсто для поселенія, еще труднѣе было расчистить мѣсто для пашни. Поэтому человѣкъ неохотно покидалъ разъ занятое мѣсто. Семья крестьянина разросталась, рядомъ съ старой избой строилась еще одна или нѣсколько, возникало цѣлое селеніе, состоящее изъ близкихъ родственниковъ. Земля обрабатывалась ими сообща. Трудная была эта работа. Рубили лѣсъ, выкорчевывали пни и сжигали все это; потомъ распахивали удобренное золой поле и нѣсколько лѣтъ подрядъ засѣвали его хлѣбомъ. Когда же замѣчали, что земля начинаетъ плохо родить, продѣлывали то же съ сосѣднимъ участкомъ, оставляя прежній «отдыхать»; нѣсколько лѣтъ спустя вновь переходили къ первому. Охотились, ловили рыбу, звѣря и птицу тоже сообща. Пока семья была невелика, весь продуктъ общаго труда: зерно, мясо животныхъ и птицъ, рыба, шкуры и кожи, все это становилось общей собственностью и расходовалось по надобности. Но когда семья разросталась, то возникалъ дѣлежъ, причемъ родственникамъ старшимъ приходилось больше, чѣмъ младшимъ. Умиралъ, напр., крестьянинъ и оставлялъ послѣ себя двухъ сыновей. Ясно, что въ случаѣ дѣлежа имъ приходилось поровну. Послѣ ихъ смерти все ихъ имущество переходило къ ихъ сыновьямъ. Допустимъ, что у перваго одинъ сынъ,

у второго — два. Если они вели хозяйство сообща, то одинъ получалъ половину всего продукта, а другая половина выпадала на долю двумъ остальнымъ, т.-е. по четверти на брата. И чѣмъ больше разросталась семья, тѣмъ больше дробились доли, тѣмъ сильнѣе доля одного отличалась отъ доли другого. Въ семьѣ возникало такимъ образомъ неравенство, родственныя чувства притуплялись, и для большинства ея членовъ становилось все равно, кто имѣетъ право на опредѣленную долю продукта,—свой или чужой. Бывало нерѣдко, что кто-нибудь изъ своихъ уходилъ на сторону и продавалъ свою долю чужому человѣку, который такимъ путемъ вступалъ въ семью. Вступали въ семью чужіе и инымъ способомъ: по завѣщанію, по даренію и по закладу. Такъ семейный, кровный союзъ превращался постепенно въ товарищество или артель, состоявшую не только изъ родственниковъ, но и изъ чужихъ другъ другу людей. Члены такой артели получали названіе складниковъ, сосѣдей или сябровъ. Они по прежнему не дѣлили земли, вели хозяйство сообща и дѣлились лишь продуктомъ совмѣстнаго труда. Такое складническое или сябринное хозяйство и преобладало среди крестьянъ Ростово-Суздальской земли въ теченіе 13 вѣка. На сѣверѣ отъ нея оно существовало еще нѣсколько столѣтій послѣ.

Но къ концу 13 в. складническое хозяйство въ земледѣліи стало быстро распадаться. Ужъ если близкіе люди, кровные родственники не могли дружно вести общее дѣло при неравенствѣ долей, то разладъ среди чужихъ другъ другу складниковъ былъ еще сильнѣе. Мало-по-малу на мѣстѣ складническаго хозяйства стало вырастать хозяйство единичное, которое велъ на свой страхъ и рискъ одинъ хозяинъ. Такое измѣненіе формы хозяйства происходило преимущественно въ земледѣліи.

За то въ нѣкоторыхъ промыслахъ, напр., при добываніи соли, старое складничество сохранялось во всей своей силѣ еще очень долгое время. Солевареніе требовало много всякихъ приборовъ и достаточнаго количества рабочихъ рукъ. Поэтому артельное веденіе дѣла здѣсь гораздо легче налаживалось, чѣмъ единичное.

Населеніе росло. Прежній земельный просторъ постепенно исчезалъ, жить становилось тѣснѣе. Звѣроловы и охотники все чаще и чаще натыкались на разныя стѣсненія: чѣмъ больше народу, тѣмъ меньше звѣря и птицы, тѣмъ труднѣе охотиться. А уходить съ насиженныхъ мѣстъ не хочется, да и все труднѣе становилось отыскивать болѣе удобныя мѣста. На югъ идти нельзя: тамъ свирѣпствовали кочевники, на востокѣ за Волгой начиналась булгарская земля, на сѣверѣ природа слишкомъ суровая, да и тамъ хорошія мѣста уже были заняты; на западѣ за Днѣпромъ (верховье) выростало въ то время чужое, Литовское государство. Приходилось оставаться на мѣстѣ и все сильнѣе и больше налегать на земледѣліе. Земледѣльцу требуется гораздо меньше земли, чѣмъ звѣролову, и на томъ же самомъ пространствѣ стало кормиться больше народу, чѣмъ раньше.

Но будучи охотникомъ и звѣроловомъ, житель Ростово-Суздальской земли былъ свободнымъ человѣкомъ; ставъ хлѣбопашцемъ, онъ все больше и больше терялъ свою прежнюю свободу. Что же случилось? Почему это такъ вышло? Причины этого лежатъ въ свойствахъ земледѣльческаго труда. Звѣролову или рыболову немного нужно для его дѣла и это немногое онъ могъ легко и скоро сдѣлать собственными руками: тенета, рогатину, сѣти. Но землепашцу требуется плугъ или соха, бороны, косы, серпы и проч. орудія, ему необходимы сѣмена для посѣва, постройки для скота и хлѣба и рабочій скотъ.

Обзавестись всѣмъ этимъ гораздо труднѣе и частенько даже совсѣмъ невозможно безъ посторонней помощи. Къ кому же прибѣгалъ крестьянинъ за помощью. Къ кому же другому, какъ не къ князю или боярину, къ монастырю или архіерею! Все это были крупные землевладѣльцы и несравненно богаче крестьянина. И вотъ съ конца 13 вѣка крестьяне попадаютъ во все бо̀льшую и бо̀льшую зависимость отъ князей и бояръ, монастырей и архіереевъ, т.-е. отъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Крестьянинъ либо отказывался отъ своей земли въ пользу землевладѣльца и получалъ за это скотъ, сѣмена, орудія и необходимыя постройки, либо же прямо садился на землю князя или боярина и обязывался отдавать ему половину (или другую долю) своего урожая, т.-е. платить извѣстный оброкъ.

Когда земля стала главнымъ источникомъ пропитанія, она получила большую цѣнность. А когда она получила цѣнность, ею стали дорожить. Раньше много было разныхъ пустошей и дикихъ мѣстъ, которыя никому не принадлежали. Теперь землю стали расхватывать всѣ тѣ, кто надѣялись извлечь изъ нея доходъ. Но земля приносила доходъ, если она обрабатывалась людьми. Мы видѣли, какъ старались Юрій Долгорукій и Андрей Боголюбскій заселить свое княжество. То же дѣлали и бояре съ своей землей. А землю эту они либо получали за службу отъ князя, либо просто захватывали въ свою собственность. Какъ же распоряжались землевладѣльцы своей собственностью, какимъ способомъ получали они доходъ съ своей земли?

* * *

Все свое княжество, со всѣми городами и селами, лѣсами и полями, озерами и рѣками, князь считалъ своей полной собственностью и распоряжался имъ, какъ

помѣщикъ своимъ помѣстьемъ: дѣлилъ на части, продавалъ, закладывалъ, завѣщалъ, дарилъ.

Значительную часть своихъ владѣній князь отводилъ подъ собственное хозяйство, другую отдавалъ въ аренду. Правда, слова «аренды» тогда еще не употребляли, но это не мѣшало тому, что она была на дѣлѣ.

Собственное хозяйство князя — это дворцовыя земли. Съ нихъ получалъ князь муку, зерно и другіе припасы. Много народу, холоповъ подневольныхъ и свободныхъ крестьянъ, трудилось на княжескихъ пашняхъ. Разные ремесленники — плотники, столяры, маляры, мѣдники и проч., находились при княжескихъ хоромахъ, всегда готовые къ работѣ. Всей этой оравой трудового люда, а также множествомъ княжескихъ слугъ распоряжался дворецкій князя, или дворскій, какъ его тогда звали. Главной его заботой было снабженіе дворца зерномъ и мукой, крупой, масломъ, молокомъ. Онъ же наблюдалъ за порядкомъ и благоустройствомъ въ жилищѣ князя.

Овощи, медъ, рыбу, дичь, мѣха, соль, словомъ все, что можно было добыть въ лѣсу, въ рѣкѣ, въ полѣ и нѣдрахъ земли обязаны были доставлять жители множества селеній, раскинутыхъ по всему княжеству. Эта область княжескаго хозяйства распадалась на отдѣльныя отрасли и каждая такая отрасль носила названіе пути. Такъ, охотники за бобрами, бобровники, и псари принадлежали къ ловчему пути; сокольники и другіе служители птичей охоты входили въ сокольничій путь; конюшни съ конюхами и приписанными къ нимъ лугами составляли конюшенный путь. Чашничій путь вѣдалъ дворцовое пчеловодство и погреба съ напитками (главнымъ образомъ, медъ); сюда приписаны были многочисленныя села и деревни дворцовыхъ бортниковъ и бортные дворцовые лѣса. Къ стольничему пути принад-

лежали дворцовыя рыбныя ловли, дворцовые сады и огороды съ рыболовами, садовниками и огородниками. Всѣ эти угодья и селенія разбросаны были по всему княжеству, по всѣмъ его уголкамъ. Нерѣдко, встрѣчались округа, гдѣ въ самомъ пестромъ безпорядкѣ перемѣшаны были селенія бортниковъ, огородниковъ, рыболововъ, но несмотря на свою разбросанность такія селенія тянули каждое въ свою сторону: селенія бортниковъ составляли свои, селенія рыболововъ также свои волости и т. д. Во главѣ волости стоялъ княжій волостель, который и сбиралъ для княжаго двора продукты. Ему подчинялись выборные въ каждомъ такомъ селеніи старосты, черезъ нихъ онъ и дѣйствовалъ. Надъ волостями стояли управители путей, которые носили соотвѣтственныя своему пути званія: ловчаго, конюшеннаго, стольника, сокольничаго, чашника. По большей части это были бояре. Такимъ образомъ, дворскій «завѣдывалъ дворцовымъ хлѣбопашествомъ, а управители путей дворцовыми промыслами» (Ключевскій).

Всѣ необходимыя работы справляли отчасти холопы, но, главнымъ образомъ, крестьяне; они жили на княжеской землѣ и обязаны были платить за это оброкъ; одни платили хлѣбомъ, другіе рыбой, третьи медомъ и т. д.; но въ другомъ отношеніи они были свободными людьми и вели собственное хозяйство. Только нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., псари и конюхи жили на княжескихъ харчахъ.

Такъ велось хозяйство князя. Конечно, оно было гораздо проще у князя бѣднаго и еще сложнѣе—у богатаго. Какъ уже сказано, другую—еще болѣе значительную — часть своихъ владѣній князь отдавалъ въ аренду, вѣрнѣе на откупъ. Это были земли тяглыхъ или черныхъ людей, городскихъ и сельскихъ, и земли частныхъ владѣльцевъ, церковныхъ и свѣтскихъ. Князь считалъ

себя верховнымъ собственникомъ всѣхъ этихъ земель и потому въ правѣ получать съ нихъ доходъ. Какъ же собиралъ онъ этотъ доходъ? Дѣлалъ онъ это при посредствѣ своихъ намѣстниковъ и волостелей. Княжество разбивалось на уѣзды, а уѣзды на волости; въ уѣздахъ правили намѣстники, въ волостяхъ — волостели. Главная забота князя заключалась въ томъ, чтобы получить съ нихъ побольше дохода. По тогдашнимъ условіямъ легче всего устроить это было при помощи намѣстниковъ и волостелей. Они сбирали подати и пошлины съ населенія и часть ихъ (половину или другую долю) отдавали князю. Другая часть оставалась въ ихъ рукахъ. До половины 15 вѣка власть этихъ лицъ была очень велика; въ своихъ областяхъ они какъ бы замѣняли князя.

Боярское и монастырское хозяйство велось по тому же образцу. Только далеко не всѣ бояре вели собственное хозяйство; большинство предпочитало всю свою землю сдавать въ аренду крестьянамъ. Такъ же поступали и монастыри и архіерейскіе дворы. Зачѣмъ заводить собственныя поля, когда съ меньшими хлопотами можно было имѣть и хлѣбъ и прочіе припасы въ видѣ оброка съ крестьянъ. Нѣкоторые крупные землевладѣльцы сдавали, подобно князю, въ аренду цѣлые участки своихъ земель, заселенные десятками деревень. Сохранилось много грамотъ того времени, изъ которыхъ видно, что обязаны были дѣлать крестьяне, сидѣвшіе на землѣ какого-нибудь владѣльца. Въ одной изъ такихъ грамотъ (уставная грамота 1391), данной митрополитомъ Кипріаномъ Константиновскому монастырю, сказано, что «лучшіе, т. е. зажиточные, изъ крестьянъ, живущихъ въ селахъ Константиновскаго монастыря, должны наряжать монастырь и монастырскій дворъ, по наряду пахать монастырскую землю и убирать хлѣбъ, дѣлать вешніе и

зимніе ѣзы и заколы для рыбной ловли, оплетать сады, прудить пруды, осенью ловить на монастырь бобровъ, на Пасху и на Петровъ день приносить игумену подарки, сколько кто хочетъ, на монастырскій праздникъ приводить изъ села по яловицѣ, молотить рожь, молоть солодъ и проч., а въ которое село пріѣдетъ игуменъ на братчину, то складчинники на братчинѣ даютъ игуменовымъ конямъ по зобнѣ овса» (Бѣляевъ). Приблизительно такого же рода обязанности несли крестьяне на всякой владѣльческой землѣ, только далеко не всюду существовала барщина, т. е. работа на барскомъ полѣ.

Боярское владѣніе было двухъ родовъ: вотчина и помѣстье. Вотчина—это полная собственность боярина. Она передавалась по наслѣдству отъ отца къ сыну, могла быть продана, заложена, подарена кому-нибудь. Вотчина возникала тамъ, гдѣ бояринъ захватывалъ пустую, никому не принадлежащую землю и разрабатывалъ ее своими холопами или зависимыми людьми. Впрочемъ, она возникала также путемъ скупки крестьянскихъ земель или путемъ ихъ отобранія за долги. Но съ конца 14 вѣка начинаетъ брать перевѣсъ другой видъ землевладѣнія—помѣстье. Князья не могли платить своимъ слугамъ деньгами, которыхъ водилось тогда немного; взамѣнъ денегъ они давали своимъ сподручнымъ землю, населенную крестьянами. Эта-то земля и составляла помѣстье. Оно находилось во владѣніи боярина лишь до тѣхъ поръ, пока онъ служилъ князю; но какъ только онъ уходилъ со службы, такъ лишался и помѣстья. Помѣстье, слѣдовательно, давалось въ видѣ жалованья, оно такъ и называлось: жалованная земля. Что же касается монастырей, то ихъ земельныя богатства выростали главнымъ образомъ путемъ вкладовъ «на спасеніе души». Жертвовали землю всѣ: князья и бояре, крестьяне и купцы.

Съ теченіемъ времени въ рукахъ монастырей скопились громадныя земельныя богатства. Богатые монастыри и извѣстные своей силой бояре увеличивали свои владѣнія и инымъ путемъ. Нерѣдко простой человѣкъ не находилъ защиты отъ притѣсненій и обидъ богатаго ни у князя, ни у намѣстника, ни у волостели. Тогда онъ отдавалъ свою землю монастырю или боярину съ условіемъ, чтобы тѣ не давали его никому въ обиду. Это называлась тогда «заложиться» за кого-нибудь, а такіе заложившіеся за монастырскую или боярскую спину получали названіе закладниковъ. Чѣмъ богаче и сильнѣе былъ землевладѣлецъ, тѣмъ больше было у него закладниковъ, тѣмъ обширнѣе становились его владѣнія.

Итакъ, земледѣліе служило въ то время главнѣйшимъ источникомъ пропитанія, а владѣніе землей составляло основу богатства и общественной силы. Но рабочее населеніе занималось не только обработкой земли, охотой, рыболовствомъ и пчеловодствомъ. Князья и бояре строили себѣ хоромы, воздвигали церкви, для всѣхъ требовалась разная домашняя утварь и всевозможныя вещи по хозяйству; была, слѣдовательно, потребность въ разнаго рода ремесленникахъ. По деревнямъ и городамъ ходили плотники, повсюду встрѣчались столяры, кузнецы, котельщики, ложечники, олювяничники, сѣдельники, сапожники; были кое-гдѣ даже золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера. Всѣми этими ремеслами занимались крестьяне иногда «между дѣломъ», иногда, посвящая ремеслу все свое время. Сбывали они издѣлія либо односельчанамъ, либо, кромѣ того, и въ сосѣднемъ городѣ, куда пріѣзжали на базары въ опредѣленные дни. Однако, князья и бояре, жившіе въ своихъ имѣніяхъ, а также монастыри и архіерейскіе дворы имѣли своихъ ремесленниковъ, которые приготовляли все необходимое, такъ что

покупали только заграничныя издѣлія: вина, тонкія ткани, металлическія издѣлія. Вообще, покупали и продавали въ то время очень мало. Самое главное и необходимое готовили въ собственномъ хозяйствѣ. Вслѣдствіе этого и торговля велась въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ.

III.

Общественный и политическій строй Удѣльной Руси.

Въ предшествующей главѣ мы познакомились съ тѣмъ, какъ обезпечивали себя люди того времени всѣмъ необходимымъ въ жизни, т.-е. съ экономическимъ строемъ Удѣльной Руси. Теперь намъ необходимо узнать, каковы были взаимныя отношенія князей, бояръ, духовенства и крестьянъ другъ къ другу по ихъ правамъ и обязанностямъ (общественный строй), а также, — какъ управлялась Русь того времени (политическій строй) и почему, собственно, она получила названіе Удѣльной.

Начнемъ съ князей. Княжеская власть получала въ ростово-суздальскомъ краю другое значеніе, чѣмъ въ Кіевской Руси. Тамъ они были людьми пришлыми, здѣсь столь же коренными, сколько и само населеніе. Мало того, край заселялся при ихъ помощи, и князья воображали даже, что именно они сдѣлали эти дикія мѣста населенными. Андрей Боголюбскій такъ и говорилъ: «Я всю Бѣлую (т.-е. Суздальскую) Русь городами и селами великими населилъ и многолюдной учинилъ». Въ силу этого у князей Ростово-Суздальской земли возникала привязанность къ своему краю. И эта привязанность росла тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше укоренялось земледѣліе и росла цѣнность земли. Правда, первый устроитель

этого края, Юрій Долгорукій, еще всею душой устремлялся въ Кіевъ; ему хотѣлось сидѣть на кіевскомъ великокняжескомъ столѣ, и онъ не мало времени и силъ ухлопалъ на то, чтобы отбить этотъ столъ у своего соперника Изяслава Мстиславича. Но его сынъ Андрей поступалъ уже иначе. Онъ тоже, подобно отцу, который таки добился своего, предъявилъ права на великокняжескій столъ, но, овладѣвъ имъ, не поѣхалъ туда, а остался жить во Владимірѣ на Клязьмѣ, который сталъ столицей его княжества и который онъ, какъ столицу, всячески украшалъ. Кіевъ же онъ отдалъ своему брату, хотя власть великаго князя оставилъ за собой. Это былъ первый на Руси примѣръ пренебреженія къ городу, владѣть которымъ составляло завѣтное желаніе всѣхъ князей. Андрей и въ другихъ отношеніяхъ не походилъ на прочихъ князей. Онъ поселился во Владимірѣ, хотя старшими, т.-е. болѣе древними, городами считались Ростовъ и Суздаль; онъ не совѣтывался съ вѣчемъ и боярами, хотя это было въ обычаѣ того времени. Андрей хотѣлъ быть самодержцемъ и смотрѣлъ на остальныхъ князей не какъ на равныхъ себѣ, но какъ на своихъ подручныхъ, подданныхъ. Правда, затѣя этого князя стать самодержцемъ не удалась; бояре не любили его; нѣсколько изъ нихъ сговорились и однажды ночью ворвались въ спальню Андрея и убили его. Это произошло въ 1174 г.

Послѣ смерти Андрея Боголюбскаго въ Ростово-Суздальской землѣ въ теченіе двухъ лѣтъ происходила междуусобная война. Боролись за обладаніе землей братья Андрея и его племянники. Братья Андрея нашли поддержку въ простомъ народѣ, а племянники среди бояръ, дружинниковъ и купцовъ. Богатые и знатные крѣпко держались старины. А по старинѣ князь не могъ управлять безъ ихъ помощи и совѣта. Простой народъ не

любилъ знати, которая его притѣсняла и потому поддерживалъ Андрея, а послѣ его смерти его братьевъ. Жители Ростова, который стоялъ за пляменниковъ, говорили про жителей Владиміра, который держался братьевъ Андрея: «это нашъ пригородъ, сожжемъ его, либо пошлемъ туда своего посадника; тамъ живутъ наши холопы и

Рис. 1.

Рис. 2.

каменьщики». Но угрозы своей они не исполнили: простой народъ въ союзѣ съ братьями Андрея побѣдилъ, и знати не удалось установить здѣсь порядковъ, отъ которыхъ люди бѣжали сюда съ юга. Правда, и простой народъ не смогъ, не сумѣлъ устроить новые порядки по своему

желанію. Съ 1176 г. во Владимірѣ усаживается Всеволодъ Юрьевичъ, прозванный Всеволодомъ Большое Гнѣздо, вѣроятно за многочисленное его семейство. Въ теченіе своего долголѣтняго княженія (умеръ въ 1212 г.) онъ сталъ самымъ сильнымъ княземъ на Руси и распо-

Рис. 3.

Рис. 4.

Русскіе воины въ удѣльное время.

ряжался Кіевомъ по своему произволу, оставаясь, подобно Андрею, жить во Владимірѣ. Князья рязанскіе, черниговскіе, смоленскіе и другіе, всѣ они боятся спорить съ могущественнымъ княземъ Владиміро-Суздальскимъ. Даже князь такой далекой отъ Владиміра земли,

какъ Галицкое княжество, Владиміръ Ярославичъ ищетъ защиты у Всеволода: «отецъ и господинъ,—говорилъ онъ устами своихъ пословъ,—удержи Галичъ подо мною, а я Божій и твой со всѣмъ Галичемъ и въ волѣ твоей всегда». При Всеволодѣ Ростово-Суздальскій край окончательно сталъ средоточіемъ русской земли, чѣмъ раньше была Кіевская область.

При сыновьяхъ и внукахъ Всеволода и установился тотъ порядокъ княженія, который назвали удѣльнымъ. Великое княжество Владимірское переходитъ изъ рукъ въ руки по праву старшинства. Сначала тамъ сидѣли по очереди сыновья Всеволода, а затѣмъ, такъ же по очереди старшинства, его внуки. Но Владимірское княжество—единственная область въ Суздальской землѣ, въ которой дѣйствовалъ этотъ старинный порядокъ. Когда-то всѣ князья старались держаться такого очереднаго порядка. Но теперь, какъ мы видимъ, онъ примѣняется только во Владимірскомъ княжествѣ. Здѣсь сидѣлъ великій князь.

Но въ Суздальской землѣ находилось еще много другихъ областей — младшихъ, гдѣ княжили родственники великаго князя. Здѣсь царилъ другой порядокъ. Князь смотрѣлъ на свою область, какъ на свою собственность, и передавалъ её по наслѣдству своему сыну. У него бывали братья, но о нихъ онъ не заботился. Каждый князь имѣлъ свой удѣлъ. А когда ему приходилось занять великокняжескій владимірскій столъ, его удѣлъ все равно оставался за нимъ. Во всей суздальской землѣ одно только Владимірское княжество не имѣло постояннаго, наслѣдственнаго князя. Всѣ другія княжества составляли удѣлы опредѣленныхъ княжескихъ семействъ. Теперь ясно, почему Русь того времени называютъ Удѣльной.

Не менѣе ясно и то, что княжескіе удѣлы должны были дробиться, становиться меньше, по мѣрѣ того, какъ разросталась княжеская семья. Юрій Долгорукій, Андрей Боголюбскій и Всеволодъ Большое Гнѣздо правили всею Суздальской зем-

Рис. 5. Русскій воинъ въ удѣльное время въ шишакѣ.

лей, но сыновья этого послѣдняго получили уже по нѣкоторой ея части. Иначе и быть не могло: вѣдь, князья смотрѣли на свое княжество, не какъ на государство, а какъ на имѣніе, на вотчину. Самое слово «государь» имѣло въ то время совершенно иной смыслъ, чѣмъ теперь. Холопъ называлъ своего господина государемъ, но свободный никогда не именовалъ такъ князя. Слѣдовательно, князь былъ государемъ только для своихъ холоповъ, но не для народа, жившаго въ предѣлахъ его вотчины. Такимъ же государемъ для своихъ холоповъ былъ и бояринъ, и вообще всякій рабовладѣлецъ.

Умирая, князь дѣлилъ свой удѣлъ между своими наслѣдниками, и чѣмъ больше ихъ было, тѣмъ меньше выпадало на долю каждаго. По смерти Всеволода Большое Гнѣздо его вотчина распалась на четыре удѣльныхъ и одно великое княжество: Ростовское, Пере-

яславское, Юрьевское, Стародубское и Владимірское (вел. кн.). При внукахъ Всеволода изъ Владимірскаго княжества выдѣлились еще слѣдующіе удѣлы: Суздальскій, Костромской, Московскій. Ростовское княжество то же выдѣлило изъ себя два новыхъ удѣла: Ярославское и Углицкое княжество. Въ Переяславскомъ удѣлѣ возникли затѣмъ тоже два новыхъ удѣла: Тверской и Дмитрово-галицкій. Итакъ, уже при внукахъ Всеволода единое Ростово-суздальское княжество распалось на 11 удѣловъ и одно великое княженіе. Въ слѣдующихъ поколѣніяхъ дробленіе пошло, конечно, еще дальше. Для примѣра укажемъ на Бѣлозерское княжество, выдѣлившееся изъ Ростовскаго уже послѣ отдѣленія отъ него Ярославскаго и Углицкаго княжествъ. Въ теченіе 14 и 15 вв. оно дало начало слѣдующимъ удѣламъ: Кемскому, Согорскому, Ухтомскому, Шелешпанскому, Андожскому, Вадбольскому и др. Та же участь постигла и многія другія княжества. Не мудрено, поэтому, что нѣкоторыя изъ удѣльныхъ княжествъ были величиной съ небольшое боярское имѣніе. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ ярославскихъ удѣловъ, княжество Заозерское. Въ началѣ 15 вѣка столица заозерскаго князя «состояла изъ одинокаго княжескаго двора, недалеко отъ впаденія рѣки Кубени въ озеро. Близъ этой княжеской усадьбы стояла церьковь во имя Димитрія Солунскаго, очевидно, этимъ же княземъ и построенная въ честь своего ангела [1]), а поодаль была «весь (деревня) Чиркова», которая служила приходомъ къ этой церкви (Ключевскій, Исторія). Не велики были владѣнія заозерскаго князя! Но не больше бывали и владѣнія многихъ другихъ князей.

Итакъ, князья были прежде всего землевладѣльцы.

---

[1]) Князя звали Дмитріемъ Васильевичемъ.

И чѣмъ крупнѣе земельныя владѣнія князя, чѣмъ больше и населеннѣе его удѣлъ, тѣмъ сильнѣе онъ былъ. Населить удѣлъ не легкое дѣло. Гораздо легче расширить его. И князья всячески старались объ этомъ, — они покупали землю, гдѣ только возможно было, отнимали ее силой у людей болѣе слабыхъ, заботились о томъ, чтобы родственные имъ князья другихъ удѣловъ оставляли имъ что-нибудь въ наслѣдство. Какъ помѣщикъ о своемъ имѣніи, такъ и князь о своемъ удѣлѣ заботился больше всего на свѣтѣ. О другомъ удѣлѣ онъ вспоминалъ «лишь тогда, когда тотъ угрожалъ ему, или когда представлялась возможность обобрать его».

Для удѣльнаго князя его отечество находилось въ его удѣлѣ. Остальной Руси для него какъ бы не существовало, и онъ вовсе не считалъ себя обязаннымъ охранять и защищать русскую землю вообще. Онъ не гнушался союза съ иноземцами, лишь бы побѣдить своего соперника. Московскіе князья не разъ водили татарскія рати на землю тверскихъ князей, а эти послѣдніе прибѣгали къ помощи литовцевъ и вмѣстѣ съ ними опустошали Московское княжество. Поэтому князья относились весьма подозрительно другъ къ другу, каждый изъ нихъ опасался обмана или насилія со стороны другого, и дѣйствительно, сильный князь всегда притѣснялъ князя слабаго. Только уступчивостью, или же прибѣгая къ защитѣ другого сильнаго князя, могъ слабый князь сохранять свой удѣлъ.

Постепенно на Руси возникло нѣсколько великихъ княжествъ. Выдѣляя изъ своей области удѣлы, ярославскій князь становился великимъ по отношенію къ своимъ удѣльнымъ князьямъ. Тоже происходило и въ другихъ крупныхъ княжествахъ. Такъ появились великіе князья тверскіе, рязанскіе, ярославскіе, костромскіе и

Рис. 6. На дворѣ удѣльнаго князя.

др. Вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе великаго князя владимірскаго все уменьшалось.

* * *

Но князья были, какъ мы знаемъ, не единственными земельными собственниками. Среди ихъ владѣній находились владѣнія бояръ и монастырей. Что касается бояръ, то они владѣли вотчинами и помѣстьями. Вотчина,—это владѣніе благопріобрѣтенное и переходящее по наслѣдству отъ отца къ сыну. Вотчиной своей боярин распоряжался по своему усмотрѣнію: продавалъ ее цѣликомъ или частями, дарилъ, завѣщалъ. Однако, верховнымъ собственникомъ земли все-таки считался тотъ князь, въ удѣлѣ котораго она находилась. Правда, князь не могъ продать вотчину боярина или взять ее у него себѣ. Но онъ требовалъ за нее себѣ отъ боярина службы. «Ты имѣешь вотчину на моей землѣ,—говорилъ онъ,—такъ мнѣ и служи». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ князь облагалъ вотчинника даже податью. Кромѣ вотчинъ бояре имѣли часто и помѣстья. Помѣстье—это земельное владѣніе, которое боярин получалъ за свою службу отъ князя вмѣсто денежнаго жалованья; оно часто такъ и называлось,—жалованной землей, или просто жалованьемъ. О правахъ и обязанностяхъ бояръ рѣчь пойдетъ дальше.

Князья и бояре составляли высшій слой въ удѣльномъ княжествѣ; крестьяне и горожане—его низы и основу. Сельчане и горожане мало отличались другъ отъ друга, такъ какъ одинаково занимались земледѣліемъ и города похожи были на большія деревни. Раньше, какъ мы знаемъ, крестьяне назывались смердами и самое слово «крестьянинъ» возникло только въ 13 или 14 вѣкѣ. Иначе ихъ называли тогда еще «черными людьми», а

земли, ими заселенныя, — черными землями. Черные люди были такъ же свободны, какъ и бояре, но не имѣли земли, и поэтому ихъ свобода на дѣлѣ нерѣдко превращалась въ кабалу. Земля, которую они обрабатывали изстари и которую считали своей, перешла въ руки князей, бояръ и монастырей. Разбросанные по лѣсамъ, среди болотъ небольшими селеніями, черные люди и думать не могли о томъ, чтобы отказать князю или боярину, когда тѣ требовали податей и оброковъ; напротивъ, нерѣдко они сами отдавали свою землю князю или боярину, чтобы получить отъ него военную защиту и хозяйственную помощь (закладывались). Но поселившись на боярской, княжеской или церковной землѣ, крестьянинъ обрекалъ себя на подневольную жизнь. Хозяину земли было выгодно имѣть у себя постоянныхъ работниковъ, поэтому онъ всячески старался затруднить уходъ крестьянъ. Крестьяне не могли уходить, когда вздумается. Былъ установленъ обычаемъ опредѣленный срокъ, одинъ въ году, когда крестьяне имѣли право покидать землевладѣльца, на землѣ котораго жили. Въ Поволжьѣ срокомъ этимъ былъ Юрьевъ день (24 ноября). Но далеко не всякій крестьянинъ имѣлъ возможность воспользоваться своимъ правомъ ухода. Часто крестьянинъ садился уже на застроенный участокъ, получалъ отъ хозяина избу и дворъ и всѣ вообще необходимыя въ хозяйствѣ постройки. При уходѣ съ него требовали уплатить «пожилое». Въ концѣ 15 вѣка эта плата достигала рубля въ полевыхъ и полтину въ лѣсныхъ мѣстахъ (около 94 и 47 на наши деньги) за 4 года. Хорошо, если у крестьянина были деньги, но это случалось не часто, даже весьма рѣдко. Когда же крестьянинъ садился на пустое мѣсто и самъ обстраивалъ его, то получалъ отъ хозяина облегченіе въ уплатѣ налоговъ, податей и отбываніи барщины. Это

облегченіе (льгота) давалось на долгій срокъ и, слѣдовательно, привязывало на это время крестьянина къ мѣсту. Нерѣдко крестьянинъ и инымъ способомъ одолживался землевладѣльцу и, такимъ образомъ, надолго лишалъ себя свободы ухода. Чтобы обезпечить себя рабочими руками, удѣльные князья 14 и 15 вв. договаривались другъ съ другомъ о томъ, чтобы черныхъ людей «промежъ себя не пріимать въ свои удѣлы» и «въ службу не пріимати». Это еще больше стѣсняло свободное передвиженіе крестьянъ. Такъ уже въ то время постепенно подготовлялось закрѣпощеніе крестьянъ, случившееся позднѣе. Лишенное земли, попавшее въ зависимость отъ землевладѣльца, крестьянство все больше и больше становилось тяглымъ, или податнымъ сословіемъ. Оно платило оброки землевладѣльцу, подати князю и справляло разныя повинности. Нерѣдко несли крестьяне и военную службу. Но составляя самое многочисленное и трудовое населеніе страны, крестьяне не принимали участія ни въ ея управленіи, ни въ ея устроеніи.

Когда пришли на Русь татары и овладѣли ею, они переписали всѣхъ крестьянъ и обложили ихъ данями. Каждый приписанъ былъ къ опредѣленной общинѣ. Дань брали съ земли, а не съ человѣка. Накладывали на всю общину цѣликомъ, а о развертцѣ дани между домохозяевами заботилась уже сама община. Понятно, что чѣмъ больше народу было въ общинѣ, тѣмъ меньше дани приходилось на каждаго въ отдѣльности. Еще тяжелѣе стало крестьянину: и отъ помѣщика трудно уйти, и отъ своихъ не легче,--хочешь не хочешь живи тамъ, гдѣ приписанъ.

Князья переняли у татаръ обычай переписи, и время отъ времени по деревнямъ разъѣзжалъ писецъ и вписывалъ въ книгу всѣхъ, обязанныхъ платить. Съ тѣхъ поръ крестьянъ стали называть «данниками» или «письмен-

ными» людьми, а также «тяглыми», такъ какъ они несли на себѣ опредѣленное тягло.

Между боярами и крестьянами стояли купцы, но, при слабой торговлѣ, ихъ было немного и они не оказывали замѣтнаго вліянія на жизнь того времени.

Какъ и раньше, въ Удѣльной Руси тоже существовали холопы. Ихъ положеніе въ общемъ было тоже, что и въ Кіевской Руси.

* * *

Какъ же управлялось удѣльное княжество? Управленіе того времени было устроено совершенно иначе, чѣмъ теперь. Въ настоящее время управленіе страной имѣетъ въ виду общее благо; въ удѣльное время интересы князя-хозяина стояли на первомъ планѣ, а общее благо населенія на послѣднемъ. Князь-хозяинъ хотѣлъ имѣть возможно больше «прибытка», т.-е. доходу съ своихъ владѣній, соотвѣтственно съ этимъ онъ и устраивалъ управленіе своимъ княжествомъ. Первой его заботой было полученіе разнообразныхъ податей и повинностей съ населенія. Платили и несли повинности всѣ, но далеко не въ одинаковой степени; бояре и служилые люди обязаны были князю службой военной и по управленію; бояре, кромѣ того, вносили въ княжескую казну небольшую подать съ своихъ вотчинъ; но главными плательщиками были «черные люди», крестьяне. Они платили оброкъ за землю и разныя подати и дани, то въ пользу князя, то для его служилыхъ людей.

Платили за судъ судьѣ и его помощникамъ. Была установлена особая плата за каждое дѣло, за крупное—большая, за мелкое—менѣе значительная. Платили и за многое другое. Такъ существовала свадебная пошлина. Если невѣсту выдавали въ другую область, ея семья платила «вывод-

ную куницу»; если же женихъ и невѣста жили въ одномъ уѣздѣ или волости, то—«свадебное за убрусъ». Брали за провозъ товара. Къ проѣзжимъ пошлинамъ относились, во первыхъ, мыто—«сухое», при провозѣ товаровъ сухимъ путемъ, и «водяное»—при провозѣ ихъ водой.....; второй проѣзжей пошлиной была «головщина» или «костки» съ лицъ, сопровождавшихъ товары; при возвращеніи обратно тѣмъ же путемъ платили особую пошлину—«задніе калачи»; наконецъ, существовала еще мостовщина, собиравшаяся при переѣздѣ черезъ мосты, и перевозъ—при переправахъ черезъ рѣки. (Рожковъ, Обзоръ II). Помимо того, существовали разнообразныя торговыя пошлины: при наймѣ лавокъ, при вывозѣ товара изъ гостиннаго двора, при складѣ товара, при взвѣшиваніи и т. д.; продававшихся лошадей клеймили (ставили «пятно») и за это тоже брали. Словомъ, пошлины были самыя разнообразныя. Съ половины 13 вѣка населеніе, кромѣ того, было обложено еще татарской данью. Лишь часть даней, податей и пошлинъ уплачивало населеніе деньгами. По большей части платили натурой, т.-е. продуктами труда. Не мало было и натуральныхъ повинностей: подводная для князя и его чиновниковъ, дорожная для починки дорогъ, городовая ради постройки и обновленія городскихъ стѣнъ, мостовая—возведеніе и содержаніе въ порядкѣ мостовъ и т. д.

Мы уже знаемъ, что часть земель находилась въ дворцовомъ вѣдомствѣ, часть подъ управленіемъ намѣстниковъ и волостелей и часть—въ рукахъ бояръ и служилыхъ людей, а также во владѣніи церкви. Всѣ эти земли имѣли и особое управленіе. Мы уже знакомы съ устройствомъ дворцоваго управленія и путей. Всѣ люди, приписанные къ дворцу или путямъ, находились подъ управленіемъ дворецкаго и путныхъ бояръ (чашника, столь-

ника и др.) Дворцовое и путейское управленіе являлось какъ бы центральнымъ. Намѣстники и волостели были мѣстными управителями.

Все княжество разбивалось на рядъ уѣздовъ, съ городомъ во главѣ, а уѣздъ имѣлъ нѣсколько волостей. Въ уѣздномъ городѣ жилъ намѣстникъ. Въ его вѣдѣніи находился городъ и ближайшія его окрестности. Волостель управлялъ волостью, какъ намѣстникъ городомъ. Обязанности намѣстниковъ и волостелей были двоякаго рода. Они, во-первыхъ, доставляли князю «прибытокъ», являлись какъ бы его арендаторами; со всего, что они собирали съ населенія, половину (или другую долю) отсылали они князю; во вторыхъ, на нихъ лежала обязанность «суда и расправы». Черные люди селъ и городовъ со всѣми своими обидами и жалобами шли къ намѣстнику и волостелю, который и разбиралъ ихъ жалобы, взимая за это судебную пошлину. Помимо всего этого, эти княжескіе чиновники слѣдили за отправленіемъ разныхъ повинностей: подводной, городовой и др. Волостель былъ во всемъ подобенъ намѣстнику, но не имѣлъ права разбирать дѣла по важнѣйшимъ преступленіямъ: «губнымъ» (отъ слова «губить»), т.-е. объ убійствѣ и разбоѣ и о татьбѣ съ поличнымъ (т.-е. о воровствѣ, когда воръ пойманъ съ поличнымъ). Эти дѣла вѣдалъ намѣстникъ. Ему помогали при исполненіи его обязанностей многочисленные его помощники, которыхъ онъ назначалъ преимущественно изъ среды своихъ холоповъ: доводчики и праветчики, пошлинники и пятинщики.

За свою службу намѣстникъ и волостель не получали денежнаго жалованья отъ князя; имъ полагался опредѣленный «кормъ» съ населенія: кромѣ половины всѣхъ пошлинъ, они брали еще въ свою пользу съ чернаго люда хлѣбъ, мясо, яйца, словомъ все, необходимое

въ хозяйствѣ: это и былъ «кормъ», часто и самая служба называлась просто «кормленіемъ». Это названіе свидѣтельствуетъ о томъ, что эти лица были не только и даже не столько чиновниками, сколько прикащиками князя. А самъ князь былъ одновременно и помѣщикомъ, и государемъ; его удѣлъ былъ не только государствомъ, но въ то же самое время и помѣстьемъ. Онъ управлялъ удѣломъ, но въ то же время и «кормился» имъ.

Однако намѣстники и волостели имѣли власть только надъ черными людьми; бояре были имъ неподвластны. Мало того, эти княжескіе чиновники не имѣли права ни судить, ни собирать подати съ крестьянъ, жившихъ въ вотчинахъ и помѣстьяхъ боярскихъ. Поселившіеся здѣсь крестьяне подчинялись боярину, который былъ для нихъ не только хозяиномъ земли, но и начальникомъ; онъ судилъ и наказывалъ ихъ, собиралъ съ нихъ налоги и пошлины. Эти права бояръ князья подтверждали, выдавая имъ «жалованныя грамоты». Въ этихъ грамотахъ всегда находились такія строки: «а волостели мои въ околицу его не въѣзжаютъ» или «а намѣстники мои и волостели и ихъ тіуны не въѣзжаютъ» во владѣнія боярина». Такимъ образомъ, княжій бояринъ былъ не только землевладѣльцемъ, но и человѣкомъ, обладавшимъ большей властью, какъ бы небольшимъ царькомъ въ своихъ имѣніяхъ. Онъ окружалъ себя дружиной и имѣлъ собственныхъ волостелей, которымъ передавалъ управленіе частью своихъ владѣній. Его служилые люди назывались дѣтьми боярскими. Словомъ, это былъ въ маломъ видѣ тотъ же удѣльный князь.

Долгое время указанныя въ «жалованныхъ грамотахъ» права боярина сохранились въ неприкосновенности, и только со второй половины 15 вѣка стали они подвергаться ограниченіямъ. Намѣстники получили права

«въѣзда» въ боярское владѣніе, если тамъ случалось важное преступленіе.

Пользуясь обширными правами, бояре должны были и нести службу князю. Она состояла въ томъ, что бояре, въ случаѣ надобности, приходили со своей дружиной къ князю и становились въ ряды его ополченія. На нихъ же лежала защита того города, въ уѣздѣ котораго они жили, такъ называемая «городняя осада». Бояре не считались подданными того удѣльнаго князя, во владѣніяхъ котораго имѣли свои вотчины. Они имѣли право переходить на службу къ другому князю. Бывало такъ, что бояринъ имѣетъ вотчину во владѣніяхъ ярославскаго князя, а служитъ московскому. Понятно, въ случаѣ войны между этими князьями онъ могъ легко потерять свою вотчину. И вотъ, чтобы не быть въ убыткѣ, бояре въ большинствѣ случаевъ переходили только къ тѣмъ князьямъ, которые могли щедро награждать ихъ службу помѣстьями и охранять ихъ интересы.

Бояре, служившіе удѣльному князю, были его правой рукой; во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ князь совѣтывался съ ними, и они помогали ему творить судъ и расправу, раздавать милости и льготы, вести переговоры съ другими князьями, собирать его доходы. Князь обращался за совѣтомъ и помощью чаще всего къ тѣмъ боярамъ, которые находились подъ рукой: къ чашнику, казначею, ловчему; бояринъ, постоянно находившійся при князѣ, о к о л о него, такъ и назывался о к о л ь н и ч и м ъ. Бояре, призванные княземъ на совѣтъ, составляли б о я р с к у ю д у м у. Но не надо думать, что дума правильно собиралась и имѣла опредѣленный составъ членовъ. Князь сегодня могъ позвать двухъ бояръ на совѣтъ, вчера онъ призвалъ трехъ, а завтра рѣшаетъ дѣло съ однимъ лишь бояриномъ. Опытные во всякаго рода дѣлахъ

бояре очень цѣнились княземъ, и онъ старался не только удержать ихъ при себѣ, но и при своихъ сыновьяхъ. Чѣмъ богаче былъ князь, тѣмъ щедрѣе оплачивалъ онъ службу себѣ, тѣмъ охотнѣе оставались бояре при немъ. Помощники князя зрѣлаго и опытнаго, бояре становились руководителями князя молодого. Умирая, князь упрашивалъ своихъ бояръ такъ же вѣрно служить его дѣтямъ, какъ они служили ему, а своимъ дѣтямъ наказывалъ жить съ боярами въ любви и согласіи.

Но если князь очень нуждался въ боярахъ, то и бояре сильно нуждались въ покровительствѣ князя, въ его защитѣ и «жалованьѣ». Раскинутые по разнымъ удѣламъ, они не составляли тѣсно сплоченнаго сословія. У нихъ еще не сложились общіе интересы; поэтому въ удѣльное время бояре не выступали какъ единое сословіе, а каждый изъ нихъ дѣйствовалъ на свой страхъ, хлопоталъ о своихъ пользахъ и нуждахъ и не думалъ о правахъ всего боярства. Сплоченіе бояръ въ сословіе случилось позднѣе удѣльнаго времени.

Князь и его слуги—вотъ кто управлялъ Русью въ то время. О вѣчѣ уже почти совсѣмъ не слыхать: оно умерло на всемъ пространствѣ южной и сѣверо-восточной Руси. Да оно и не могло быть иначе. Въ Кіевской Руси вѣче состояло изъ свободныхъ смердовъ, а теперь масса крестьянъ попала въ зависимость отъ бояръ, разбросана была по деревушкамъ. Не владѣя землей, они не имѣли и политической силы.

* * *

Окинемъ еще разъ общимъ взглядомъ общественный и политическій строй Удѣльной Руси. Внизу мы видимъ огромную массу «чернаго» или «тяглаго» люда, крестьянъ. Они работаютъ, несутъ всякаго рода повинности и

платежи, своимъ трудомъ создаютъ все, въ чемъ нуждаются сами и что требуется для князей и бояръ, ихъ слугъ и духовенства. Земли своей у нихъ нѣтъ, но сами они свободны. Правда, на дѣлѣ эта свобода очень часто замѣняется прочной зависимостью отъ землевладѣльцевъ. Ими управляютъ, но сами они никакого вліянія на управленіе не имѣютъ.

Выше ихъ—бояре и служилые люди. Они живутъ отчасти въ своихъ имѣніяхъ, отчасти при княжескомъ дворѣ. Для простого народа, живущаго въ ихъ имѣніяхъ, они не только хозяева, но и начальники. Еще выше—мелкіе удѣльные князья. Многое множество ихъ на Руси, но каждый изъ нихъ считаетъ себя полновластнымъ властителемъ въ своемъ удѣлѣ; они служатъ великимъ князьямъ, исполняя обязанности намѣстника и волостеля, участвуя въ ихъ походахъ, но въ своей вотчинѣ они не терпятъ стѣсненій. Еще выше — два-три десятка великихъ и крупныхъ удѣльныхъ князей. Власть ихъ еще больше и они держатъ въ зависимости отъ себя мелкихъ удѣльныхъ князей и бояръ.

Источникъ силы и вліянія — земля, владѣніе ею. Князь не только правитель, но и хозяинъ, а его слуги по хозяйству въ то же время и его чиновники. Бояринъ тоже не только хозяинъ, но и правитель въ своей вотчинѣ или въ своемъ помѣстьѣ. Князья и бояре прежде всего заботились о доходахъ, о «прибыткѣ», попутно же и управляли страной.

Такъ Русь распалась на множество владѣній; одни изъ нихъ—великія княжества—были вполнѣ самостоятельны; другія—удѣльныя находились въ зависимости отъ великихъ князей; третьи—боярскія вотчины и помѣстья—зависили отъ великихъ и удѣльныхъ князей; нерѣдко боярская вотчина тоже распадалась на нѣсколько мел-

кихъ владѣній, во главѣ которыхъ стояли зависимые отъ боярина люди.

Князья и бояре входили между собой въ соглашеніе, въ договоръ о взаимныхъ отношеніяхъ. Мелкіе князья служили крупнымъ, получая взамѣнъ защиту и «кормленіе». Бояре на тѣхъ же основаніяхъ служили князьямъ. Они не считали себя подданными, но только слугами того князя, «подъ рукою» котораго жили. При случаѣ они переходили отъ одного князя къ другому, и это не считалось измѣной. Сами князья въ своихъ договорахъ другъ съ другомъ писали: «а боярамъ межи насъ и слугамъ вольнымъ воля», т. е. «боярамъ и вольнымъ слугамъ предоставляется свобода переходить отъ князя къ князю».

Такой общественный порядокъ во многомъ похожъ былъ на тотъ, который господствовалъ въ то же время въ Западной Европѣ и носилъ названіе феодальнаго.

IV.

Татарское нашествіе.

Въ то время, когда на Руси складывался только что описанный порядокъ, она подверглась страшному разгрому и на цѣлыхъ два столѣтія затѣмъ попала подъ власть дикаго полукочевого народа. Разгромили и покорили ее татары. Откуда и какъ пришли татары въ русскую землю? Родина татаръ лежала далеко отъ предѣловъ тогдашней Руси: въ Забайкальѣ, на притокахъ верхняго Амура и по склонамъ Алтайскихъ горъ, къ сѣверу отъ великой Китайской имперіи. Здѣсь простирались огромныя степи, по которымъ бродили различные кочевые народы тюркскаго племени; среди нихъ нахо-

дились и предки татаръ, завоевавшихъ Русь. Темна и неясна исторія этихъ народовъ, и только по сочиненіямъ китайскихъ историковъ знаемъ мы кое-что, правда, очень немногое, о ихъ судьбѣ. Дикіе и воинственные кочевники не разъ врывались въ предѣлы Китая, разоряли города и деревни, вытаптывали обработанныя поля, избивали и брали въ плѣнъ жителей, грабили сокровища. Китайцы принуждены были постоянно оборонять свою землю отъ хищныхъ набѣговъ монгольскихъ. Для этой цѣли за 200 лѣтъ до Р. Хр. они построили даже вдоль сѣверной своей границы стѣну съ укрѣпленіями, прозванную «великой стѣной», за ея прочность и необъятную длину. За столѣтіе передъ Р. Хр. китайцы рѣшились отъ обороны перейти въ наступленіе и въ 76 г. до Р. Хр. нанесли кочевникамъ такое страшное пораженіе въ ихъ собственной странѣ, что они отхлынули отъ предѣловъ Китая. Наиболѣе удобный путь лежалъ на

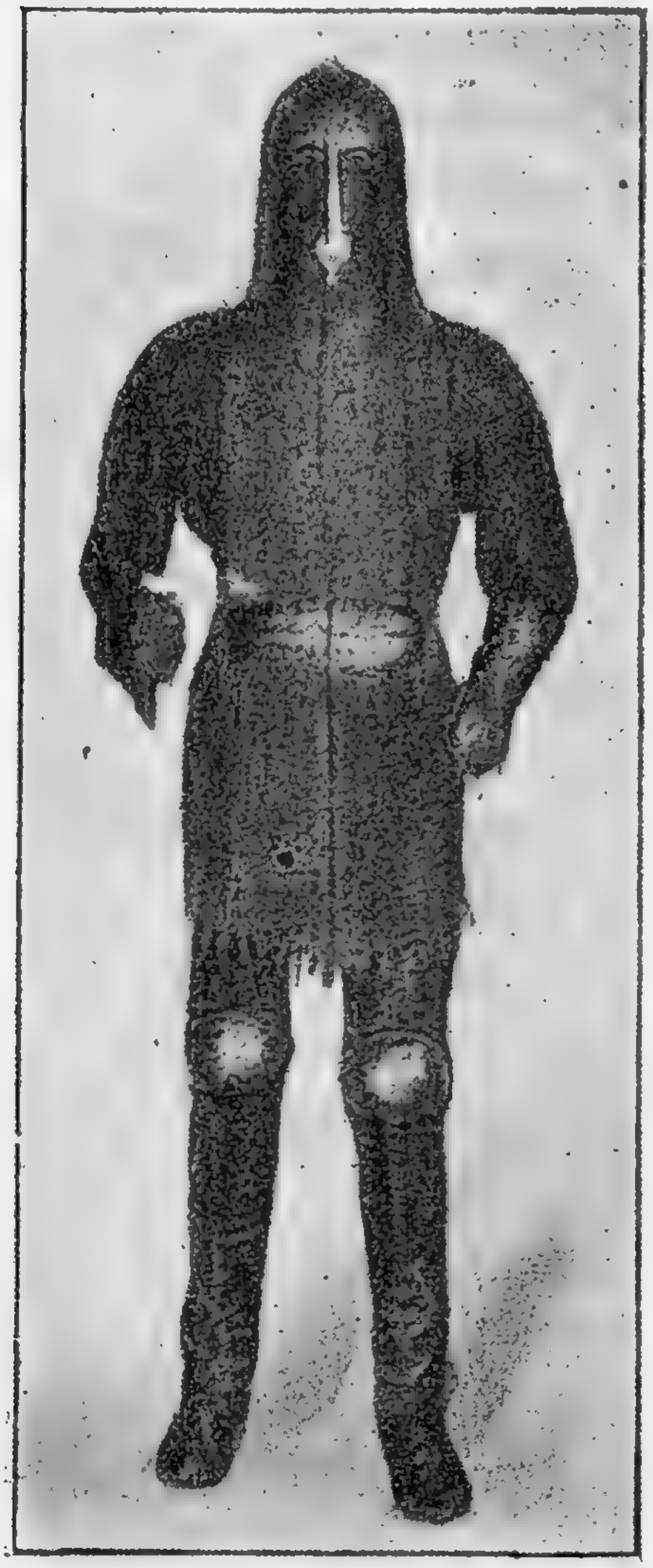


Рис. 7. Монгольскій воинъ.

западъ и юго-западъ, и монгольскія орды двинулись въ этомъ направленіи. Прошли вѣка, и они показались, наконецъ, въ Европѣ, явившись сюда изъ-за Уральскихъ горъ. Мы уже знаемъ ихъ подъ именемъ гунновъ, аваровъ, угровъ (венгровъ), печенѣговъ, половцевъ. Въ 4 в. по Р. Хр., го-

воритъ одинъ историкъ, монголы явились въ Европѣ подъ именемъ гунновъ и поразили ужасомъ славянъ и германцевъ. Народное сказаніе приписывало гуннамъ особенное происхожденіе. «Готы (одно изъ германскихъ племенъ) говорили, что они прижиты блуждавшими въ пустынѣ нечистыми духами отъ готскихъ волшебницъ. До такой степени смутилъ европейцевъ безобразный обликъ этихъ сыновъ степи, ихъ дикій образъ жизни, ихъ нравы, ихъ безпощадная лютость» (Грановскій). Еще болѣе страшное впечатлѣніе производили татары своимъ нашествіемъ.

На пространствѣ между Китаемъ и Персіей зародилась и выросла ихъ грозная сила. Отдѣльныя татарскія племена объединялись и вновь распадались и, наконецъ, въ концѣ 12 в. возникло обширное военное государство, во главѣ котораго стоялъ талантливый и умный полководецъ Темучинъ, принявшій затѣмъ имя Чингисъ-хана (Великій ханъ). Онъ разорилъ и покорилъ Китай и овладѣлъ всѣми странами отъ Тихаго океана и до береговъ Каспійскаго моря. Многочисленныя войны выработали изъ татаръ искусныхъ воиновъ, а постоянныя побѣды сдѣлали ихъ гордыми и заносчивыми. Чингисъ-ханъ окружилъ себя рядомъ прекрасныхъ полководцевъ и съ ихъ помощью поддерживалъ цѣлость своего необъятнаго царства. Одинъ изъ такихъ полководцевъ, Субутай пробрался на Кавказъ, произвелъ здѣсь полный разгромъ нѣсколькихъ черкесскихъ племенъ, а отсюда двинулся въ южно-русскія степи, занятыя половцами. Половцы не сумѣли дать отпоръ, потерпѣли страшное пораженіе и, напуганные необузданной силой татарскаго натиска, обратились за помощью къ Мстиславу Удалому, княжившему въ Галичѣ. «Сегодня они одолѣютъ насъ, а завтра васъ»—говорили половецкіе князья,—не лучше

ли вмѣстѣ ударить на врага!» Мстиславъ сообразилъ, что, пожалуй, и правду говорятъ половцы. Были посланы гонцы къ другимъ русскимъ князьямъ съ предложеніемъ общими силами отразить невѣдомаго врага. Южнорусскіе князья устроили въ Кіевѣ съѣздъ и порѣшили весной итти навстрѣчу татарамъ. Но не дружно дѣйствовали князья. Одни не явились, другіе поступали черезъ-чуръ самостоятельно, и вообще въ княжескомъ войскѣ не было порядка, отсутствовалъ единый начальникъ, и вотъ въ такомъ-то состояніи встрѣтились русскіе съ татарами на рѣчкѣ Калкѣ. Произошла битва. Много храбрости и геройства проявили русскіе, но безпорядокъ, царившій въ ихъ рядахъ и неумѣніе князей согласовать свои дѣйствія, не могли содѣйствовать побѣдѣ. Татары на голову разбили соединенныя силы русскихъ и половцевъ и жестоко расправились съ плѣнными князьями и воинами. На этотъ разъ, однако, дѣло ограничилось только битвой на Калкѣ. Татары повернули назадъ и скрылись на востокъ: Субутай не имѣлъ приказа начинать покореніе новой страны и, какъ послушный воинъ, сдѣлавъ свое дѣло, пошелъ обратно.

Прошло 13 лѣтъ. Русскіе уже успокоились и начинали даже забывать о внезапномъ появленіи татаръ. А между тѣмъ готовилось новое и гораздо болѣе страшное бѣдствіе для русской земли, чѣмъ пораженіе на Калкѣ. Въ 1227 г. Чингисъ-ханъ умеръ и передалъ власть великаго хана одному изъ своихъ сыновей, Угедею. Другимъ сыновьямъ онъ роздалъ страны по окраинамъ своего царства, подчинивъ ихъ, однако, верховной власти великаго хана. Страны, лежавшія на сѣверъ и западъ отъ Каспійскаго моря достались малолѣтнему его внуку, Батыю. Въ 1236 г. молодой Батый двинулся въ свой удѣлъ. Не всѣ страны, въ немъ заключавшіяся, были

уже завоеваны. Батыю предстояла еще задача покорить

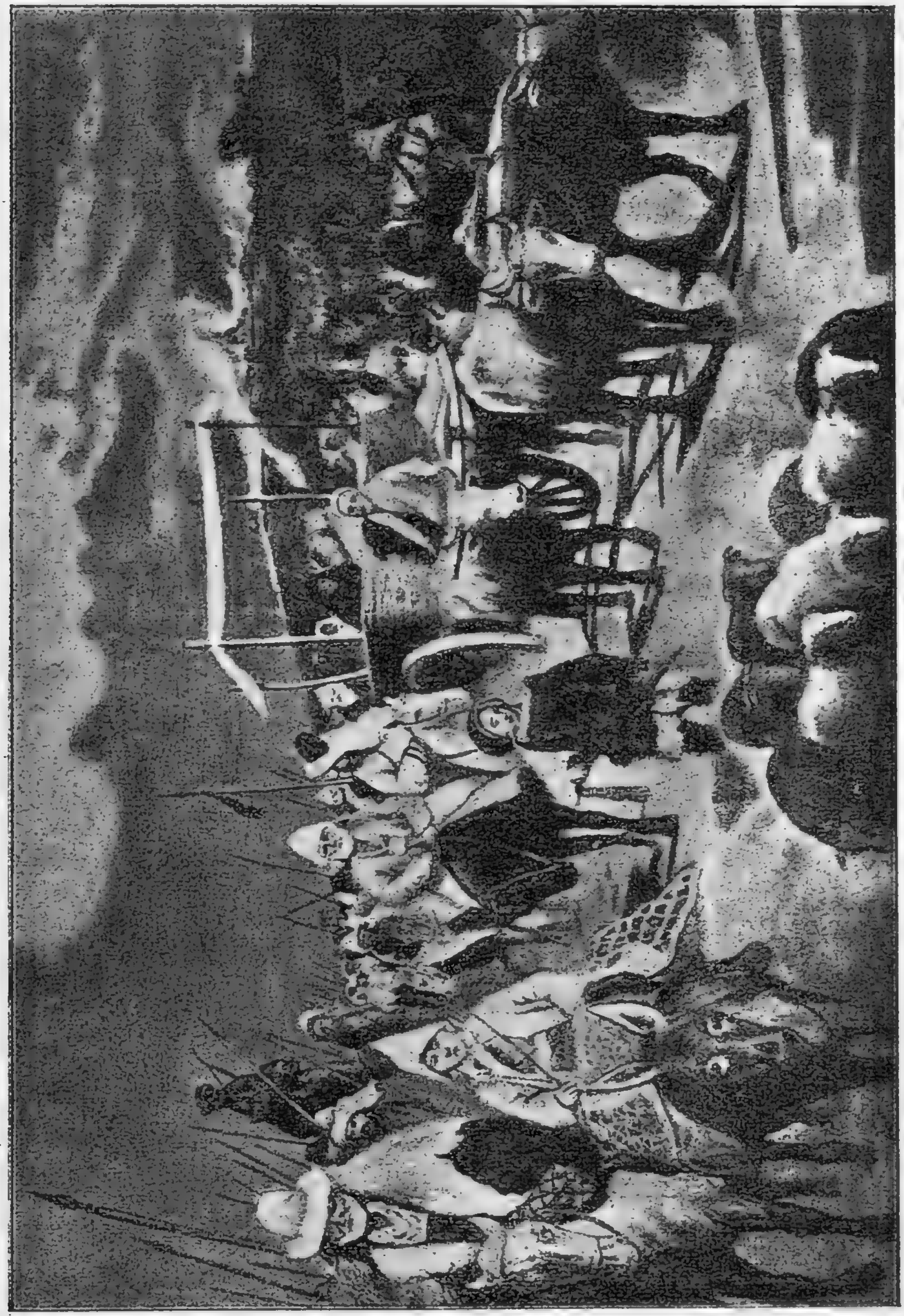


Рис. 8. Передвиженіе орды.

своей власти значительную часть своего удѣла. Однимъ изъ его помощниковъ былъ Субутай, уже знакомый нем-

ного съ новой страной и населявшими ее народами. Татары съ верховьемъ Иртыша черезъ Уральскія степи направились къ Волгѣ. По преданію, ихъ орда состояла изъ болѣе, чѣмъ 300 тысячъ человѣкъ. Но здѣсь были не только воины, но также и ихъ жены и дѣти. Скрипѣли повозки, стучали копытами многочисленныя стада скота, ржали лошади, и медленно, но неуклонно подвигалась татарская орда. Это было настоящее переселеніе на новое мѣсто.

Еще не доходя до русской земли, сильный татарскій отрядъ подъ начальствомъ Субутая разгромилъ Булгарское царство на Волгѣ, между тѣмъ какъ главное войско подъ начальствомъ самого Батыя подвигалось черезъ половецкія и мордовскія земли къ границамъ Рязанскаго, перваго на его пути русскаго княжества. Слухъ о нашествіи татаръ уже разнесся далеко за предѣлами Рязанской земли, но другіе князья и не думали итти на помощь Рязани; до насъ, молъ, не дойдутъ, а если и дойдутъ, такъ не скоро,—успѣемъ еще приготовиться къ встрѣчѣ. Но именно встрѣтить-то новыхъ враговъ князья и не сумѣли. Вступивъ въ русскую землю, Батый тотчасъ же потребовалъ полной покорности и дани. «Платите мнѣ со всего десятину — говорилъ онъ рязанскимъ князьямъ устами своихъ пословъ, — въ князьяхъ и простыхъ людяхъ отдавайте десятаго; десятину съ коней вашихъ бѣлыхъ и вороныхъ, съ бурыхъ и пѣгихъ и со всякаго скота— десятое; десятину же со всякаго богатства». Но князья на отрѣзъ отказались. Тогда татары открыли военныя дѣйствія Предварительно они основательно опустошили все княжество, разорили до тла множество селъ и деревень, взяли нѣсколько небольшихъ городовъ, избили много народу и навели своими звѣрствами такой ужасъ на жителей, что они прятались отъ врага въ лѣсныхъ

трущобахъ. Въ декабрѣ 1237 года татары обложили Рязань. Рязанскій князь Юрій Игоревичъ не успѣлъ собрать достаточно сильное ополченіе, и поэтому городъ продержался недолго—дней шесть; татары разорили его до тла, сожгли церкви, дома, вырѣзали оставшееся въ живыхъ населеніе и ограбили все, представлявшее цѣнность. Князь и его семья тоже погибли. Отъ Рязани Батый двинулся къ стольному городу Владиміру, разгромивъ по дорогѣ Коломну и Москву. Владиміръ былъ подготовленъ къ защитѣ такъ же плохо, какъ и Рязань. Великій князь Юрій Всеволодовичъ (сынъ Всеволода Большое Гнѣздо) совсѣмъ растерялся и ушелъ на сѣверъ своей земли собирать ополченіе. 2-го февраля 1237 г. татары уже окружили Владиміръ, основательно опустошивъ предварительно Суздальскую землю. Владиміръ тоже держался не болѣе шести дней. Его постигла та-же печальная судьба: полный разгромъ города и избіеніе оставшагося въ живыхъ населенія. Покончивъ съ Владиміромъ, Батый двинулся дальше, и въ теченіе февраля успѣлъ разорить около 14 городовъ въ Суздальской землѣ. Юрій между тѣмъ дожидался враговъ на рѣчкѣ Сити (впадаетъ въ Мологу, притокъ Волги). Здѣсь онъ и рѣшилъ дать сраженіе врагамъ; но наскоро собравшееся ополченіе не устояло передъ натискомъ хорошо обученныхъ татарскихъ воиновъ; Юрій былъ разбитъ и самъ палъ въ битвѣ. Отсюда Батый круто повернулъ на юго-западъ, разорилъ Тверь, взялъ послѣ долгой осады Торжокъ и направился на сѣверъ по направленію къ Новгороду, о богатствѣ котораго много наслышался. Но было весеннее время, болотистая мѣстность, обильная рѣками и озерами, страшно затрудняла путь татарскимъ полчищамъ. Снѣгъ быстро таялъ, рѣки и рѣчки разливались, подвигаться впередъ можно было

только съ большимъ трудомъ и опасностью. Батый, не дошедши 100 верстъ до Новгорода, повернулъ назадъ и быстро направился къ югу, западной стороною Суздальской земли, всюду внося опустошеніе и разореніе. На пути 7 недѣль задержала его осада маленькаго черниговскаго города Козельска, жители котораго отчаянно и искусно защищались отъ татаръ. Дойдя до низовьевъ Волги, татары остановились и почти съ годъ отдыхали, оставивъ пока Русь въ покоѣ.

Въ 1239 г. они разгромили Переяславль (южный) и Черниговъ, а зимою 1240 г. тронулись на Кіевъ. Южнорусское населеніе совсѣмъ не подготовилось къ встрѣчѣ грознаго врага, а князья вмѣсто того, чтобы взять на себя защиту городовъ, сочли за лучшее убѣжать за границу,— въ Венгрію и Польшу. Оставленные почти безъ защиты, города одинъ за другимъ попадали въ руки татаръ. Наконецъ, татарское войско подступило къ Кіеву. Лѣтописецъ говоритъ объ этомъ событіи такъ: «Пришелъ Батый къ Кіеву съ большой силой, со многимъ множествомъ своей силы, и окружила городъ и остолпила сила татарская, и былъ городъ въ великомъ обдержаніи. И былъ Батый у города, и слуги его окружили городъ, и ничего не было слышно отъ скрипа его телѣгъ, отъ рева множества его верблюдовъ и отъ ржанія его конныхъ стадъ, и русская земля была наполонена врагами... И Батый поставилъ у города пороки (стѣнобитныя орудія) послѣ лядскихъ воротъ, потому что здѣсь подошелъ близко лѣсъ; эти пороки, не перестовая, били день и ночь и выбили стѣны, и горожане прошли къ пробитой стѣнѣ и тутъ можно было видѣть копейный бой». Но сила татаръ была велика, и мужество кіевлянъ не спасло города: овладѣвъ стѣной, татары на слѣдующій день овладѣли и всѣмъ городомъ. Скоро «мать городовъ русскихъ» лежала въ развалинахъ.

Это случилась 6 декабря. Батый не остановился въ Кіевѣ,

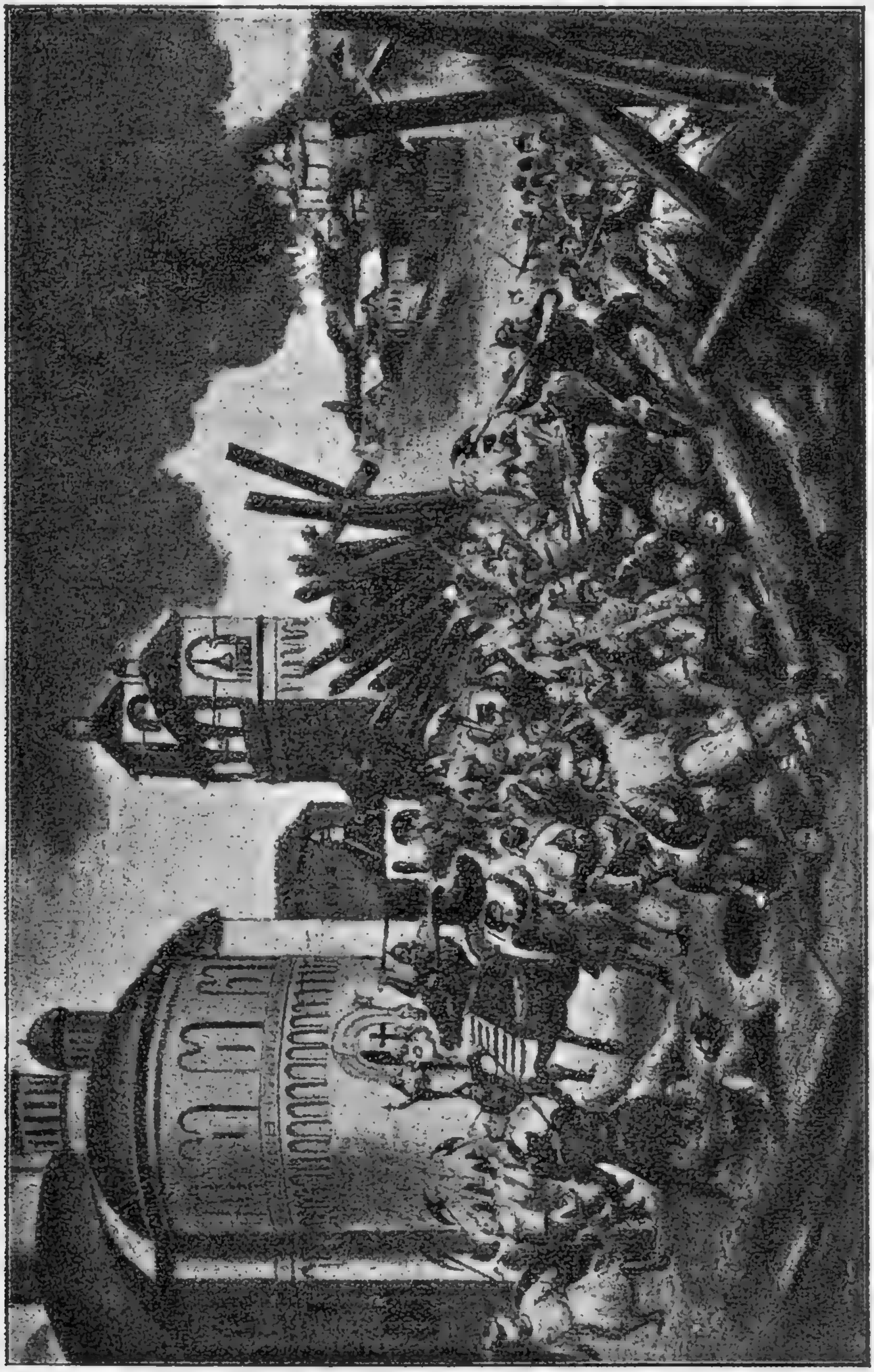


Рис. 9. Защита Десятинной церкви въ Кіевѣ отъ татаръ.

двинулся дальше на западъ и подвергъ опустошенію княжества Волынское и Галицкое. Въ 1241 г. татары вторг-

нулись въ Венгрію и, нанесши нѣсколько страшныхъ пораженій польскимъ князьямъ, грозили разгромить Западную Европу. Однако Чешскому королю удалось раза два разбить Батыя, и татары рѣшили повернуть назадъ. Европейскій западъ былъ спасенъ, но зато почти вся восточная половина Европы, отъ Днѣпра и до Урала на два столѣтія слишкомъ попала подъ иго татаръ.

Въ низовьяхъ Волги возникъ татарскій городъ Сарай, по имени котораго Батыево царство получило названіе Сарайской Орды. Но еще чаще эту орду именовали Золотой. Въ лѣтнее время татары кочевали на широкомъ степномъ просторѣ между Дономъ и Ураломъ, доходя до Кавказскихъ горъ, а зимой собирались въ Сараѣ. Сарай сдѣлался столицей татарскаго Хана.

Что же за народъ были побѣдители и властители Руси? Какъ они жили, каковы были ихъ нравы и обычаи?

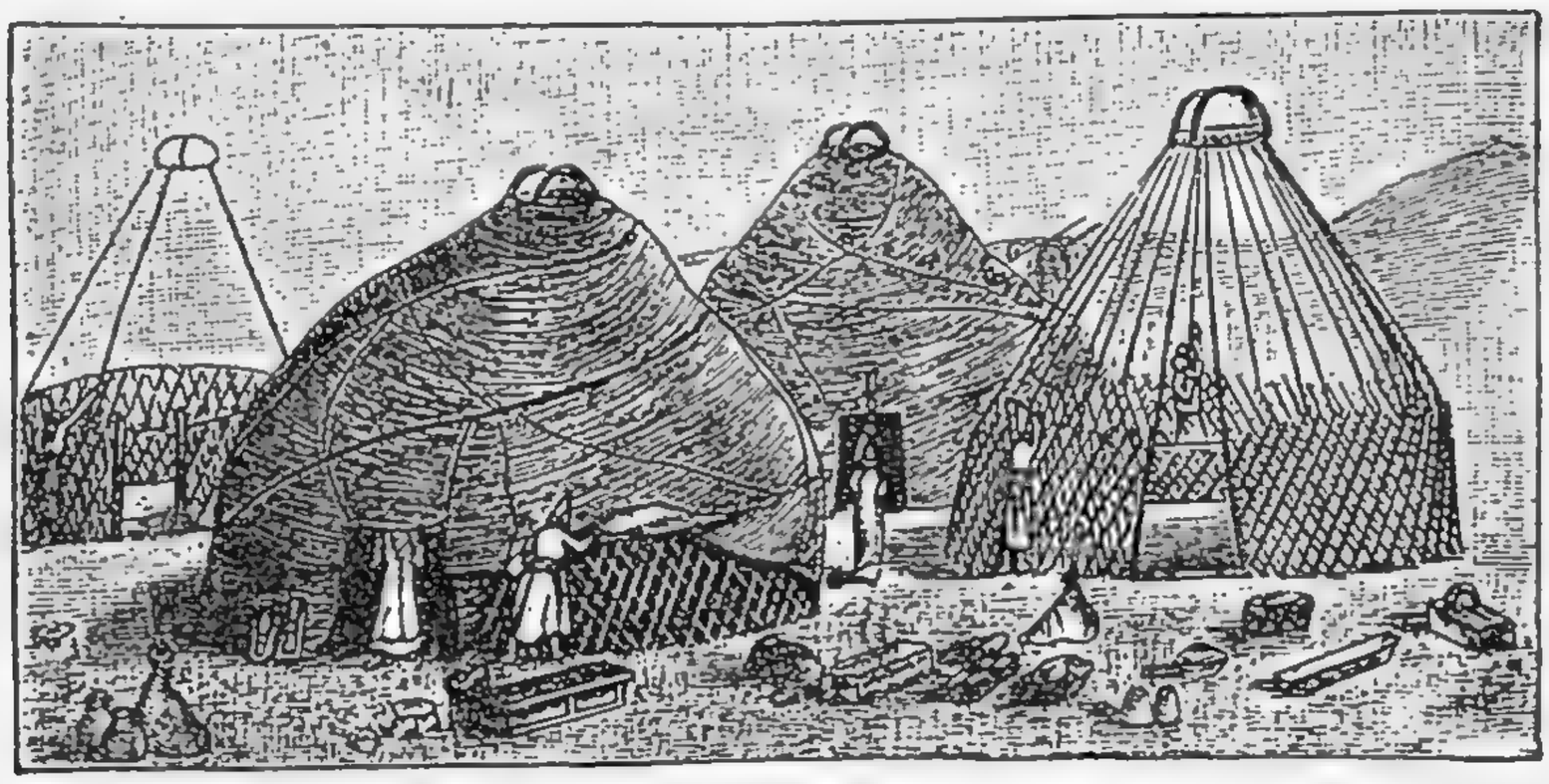
Китайскіе писатели 13 вѣка и папскій посланникъ, посѣтившій Батыя въ Сараѣ, сообщаютъ о татарахъ одно и то же. «Та-дзи или Да (такъ китайцы называли татаръ) исключительно занимаются своими стадами; они переходятъ теперь съ одного пастбища на другое, съ рѣки на рѣку, слѣдовательно кочуютъ и не имѣютъ ни городовъ, ни стѣнъ. Съ дѣтства упражняются въ верховой ѣздѣ и стрѣляютъ изъ лука въ птицъ и крысъ... и пріобрѣтаютъ такимъ образомъ мужество, необходимое для грабежа и войны... Обрядовъ религіи (вѣры) и судебныхъ учрежденій они не имѣютъ. Начиная отъ князя и до послѣдняго простолюдина, всѣ питаются мясомъ убитыхъ животныхъ, которыхъ обдираютъ, и одѣваются въ ихъ шкуры и мѣха... Уваженіе и почести отдаются у нихъ только храбрѣйшимъ; старость и слабость находятся въ презрѣніи». Папскій посолъ, священникъ Плано-Карпини, посѣтившій Батыя въ 1245 г.,

т. е. какъ разъ послѣ разгрома Руси, говоритъ о татарахъ, что «они имѣютъ широкое лицо съ большими скулами, приплюснутый носъ, маленькіе глаза, рѣдкіе волосы на бородѣ. Они — невысокаго роста и сухи тѣломъ, а лицомъ смуглы и рябоваты... Живутъ они въ круглыхъ юртахъ, сплетенныхъ изъ хворосту и покрытыхъ войлокомъ; посрединѣ юрты разводятъ огонь, и дымъ отъ него уходитъ въ отверстіе на верху. Такія юрты татары легко разбираютъ, когда нужно, или и не разобравши возятъ съ собой на телѣгахъ. У нихъ множество скота, верблюдовъ, быковъ, овецъ, козъ и лошадей; ѣдятъ они всякое мясо и жидкую кашу изъ проса,

Рис. 10.

Ханъ Кубилай

Рис. 11.



Татарскія юрты.

хлѣба не знаютъ, ѣдятъ все нечистыми руками, обтирая ихъ о сапоги или о траву, не моютъ ни котловъ, ни одежды, упиваются до нельзя кумысомъ (кобыльимъ молокомъ)». О крайней неопрятности татаръ разсказываетъ

и китайскій историкъ: «Татары имѣютъ обыкновеніе не мыть рукъ и хватаются ими за рыбу и мясо; когда къ рукамъ пристаетъ жиръ, они обтираютъ ихъ о полы кафтана; платье у нихъ не снимается и не моется, пока куда не износится». Плано-Карпини писалъ, что большая часть домашнихъ работъ исполнялась у татаръ женщинами, а мущины занимались только охотой и войной. Между собой татары не ссорились, но къ врагу относились крайне жестоко. Своего хана и начальниковъ они слушались безпрекословно. Пріѣзжавшихъ къ нимъ чужеземцевъ ханъ принималъ только тогда, когда они пройдутъ между двухъ огней, что очищаетъ, по ихъ мнѣнію, людей, и исполнятъ нѣкоторые другіе обряды.

Вотъ что замѣчали прежде всего иностранцы, встрѣчаясь съ татарами.

Каково же жилось русскимъ подъ ярмомъ татарской неволи? Въ первые годы послѣ разгрома Русь представляла жалкое зрѣлище: груды развалинъ на мѣстѣ городовъ и деревень, вытоптанныя и поросшія травою поля, по дорогамъ бѣлѣющія кости людей и животныхъ; спрятавшееся въ лѣсахъ населеніе. И лишь мало-по-малу проходилъ первый испугъ, города и деревни вновь возникали изъ развалинъ, хотя и долго еще носили печать разоренія; населеніе постепенно принималось за обычные свои труды. На всѣ завоеванныя земли татары смотрѣли, какъ на доходныя статьи; они не вмѣшивались въ управленіе, не притѣсняли вѣры, не преслѣдовали за обычаи; они требовали только аккуратнаго платежа дани. Русскіе платили десятину со всего, что имѣли; кромѣ того, татары брали еще особую пошлину со всѣхъ промысловъ и требовали подводъ и корма для ханскихъ гонцовъ и служителей. Они устроили почтовыя станціи — ямы (отсюда слово «ямщикъ») — куда въ слу-

чаѣ надобности доставлялись подводы окрестнымъ населеніямъ. Помимо этого русскіе обязаны были посылать хану вспомогательный отрядъ воиновъ, а князья не иначе получали княженіе, какъ по ханской грамотѣ, или ярлыку, за который платили. Дань, или, по татарски, ясакъ, получила названіе «ордынскаго выхода».

Въ теченіе первыхъ десятилѣтій татары собирали свой ясакъ сами, а потомъ стали поручать его сборъ великимъ князьямъ. Для сбора дани изъ Орды посылались либо особые чиновники съ отрядомъ войска, либо откупщики, обычно бухарскіе и другіе азіатскіе купцы, которыхъ называли баскаками. Баскаки обдирали беззащитное населеніе безжалостно брали не только то, что полагалось, но и то, чего не полагалось. Съ толпой свирѣпыхъ татарскихъ воиновъ баскакъ наѣзжалъ

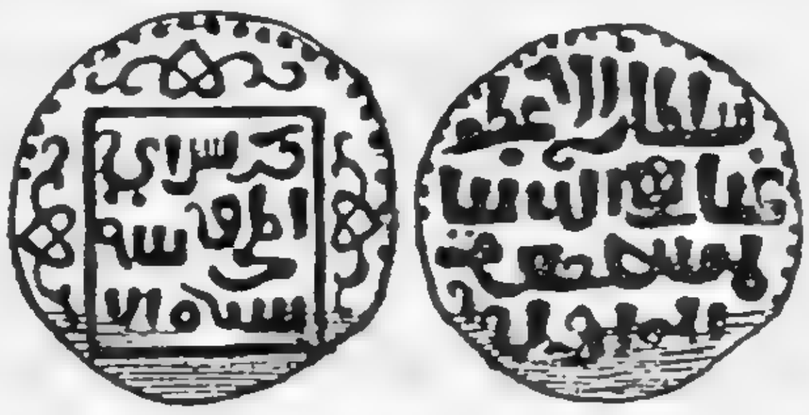


Рис. 12. Татарскія монеты.

на деревню, требовалъ старосту и приказывалъ приносить немедленно дань. Недоимщиковъ тутъ же жестоко били палкой по пятамъ. Обчистивъ одну деревню, баскакъ такимъ же образомъ обиралъ и другую. Нерѣдко женщины и дѣвушки подвергались насилію. Спасаясь отъ сборщиковъ, крестьяне прятались въ лѣсахъ; но нерѣдко и тамъ находили ихъ татары. Если же гдѣ-нибудь жители осмѣливались проявить ослушаніе или — чего Боже упаси! — сопротивленіе, вскорѣ же являлся туда большой татарскій отрядъ и производилъ полный разгромъ.

Для подсчета населенія татары впервые ввели перепись. Два раза въ 13 вѣкѣ переписывали они населеніе. Было переписано все мужское населеніе, начиная съ десятилѣтняго возраста, и обложено данью. Баскаки

ѣздили, заранѣе зная, сколько полагается получить съ каждой данной мѣстности.

Основавшись въ Сараѣ, Батый потребовалъ отъ русскихъ князей, чтобы они ѣздили къ нему на поклонъ. Первымъ отправился туда братъ погибшаго на Сити великаго князя Юрія, Ярославъ, которому ханъ и далъ великое княженіе. Установился обычай полученія отъ хана ярлыковъ (грамоту) на княженіе. Ярлыкъ доставался не легко. Надо было щедро одарить самого хана, его женъ и приближенныхъ; надо было, кромѣ того, исполнять при дворѣ ханскомъ разные унизительные обычаи, много кланяться, заискивать передъ сильными придворными. Не всѣ князья въ состояніи были выполнять всѣ требованія татаръ и за это платили своею жизнью. Такъ погибъ въ Ордѣ черниговскій князь Михаилъ. Большинство, однако, быстро смирилось и ради своей пользы старались униженіемъ и подарками снискать къ себѣ благоволеніе побѣдителей.

Мы знаемъ уже, какіе нравы господствовали среди удѣльныхъ князей. Жадные и своекорыстные они мало печалились судьбою страны. Какъ только они увидали, что съ ханами можно ладить, то сейчасъ же постарались извлечь для себя пользу изъ новаго положенія вещей. «Князья входили въ дружескія сношенія съ завоевателями, женились на ханскихъ дочеряхъ, служили ханамъ противъ ихъ непріятелей и испрашивали татарской помощи въ своихъ междуусобіяхъ. Въ Ордѣ все можно было купить, иногда отъ всего и откупиться» (Костомаровъ). По смерти великаго князя Ярослава Всеволодовича, перваго ханскаго ставленника, между его сыновьями, Александромъ и Андреемъ, возникъ споръ о томъ, кому владѣть Владиміромъ. Отецъ передалъ этотъ городъ Андрею, но Александръ былъ старше и требовалъ,

чтобы братъ уступилъ ему великокняжескій столъ. И когда Андрей сталъ упорствовать, Александръ расположилъ Орду въ свою пользу, получилъ сильный отрядъ татарскаго войска и, опустошивъ Владимірскую землю, прогналъ брата. Это былъ тотъ самый Александръ, который извѣстенъ въ исторіи подъ названіемъ Невскаго (даннымъ ему за побѣду надъ шведами на Невѣ). Сыновья Невскаго, Дмитрій и Андрей, тоже повздорили послѣ смерти отца изъза великокняжескаго стола. Сначала ханъ утвердилъ старшаго Дмитрія, но затѣмъ передумалъ и отдалъ Владиміръ Андрею. Дмитрій вздумалъ было силой защищать свои права, но неудачно: Андрею помогали татары. Два раза опустошили они страшно окрестности Ростова, Торжка и Твери и ограбили Владиміръ, Суздаль, Муромъ, Переяславль и еще 14 городовъ. Мы увидимъ еще, какъ часто прибѣгали къ татарской помощи князья московскіе.

Страдалъ болѣе всего простой народъ. И страданія его были такъ велики, что онъ благословлялъ тѣхъ князей, которые пользовались своимъ вліяніемъ въ Ордѣ не только затѣмъ, чтобы округлить свои владѣнія, но и затѣмъ, чтобы охранить Русь отъ новыхъ набѣговъ татаръ. Особенную признательность чувствовали къ Александру Невскому, который, сдѣлавшись великимъ княземъ, ладилъ съ татарами и не разъ отклонялъ отъ Руси погромную грозу. Такъ, однажды были перебиты татарскіе сборщики дани въ Ростовѣ, Суздали, Владимірѣ, Ярославлѣ и Переяславлѣ. Этимъ городамъ грозилъ новый разгромъ. Но вступился въ дѣло Невскій, и ему удалось склонить хана не разорять опять страну. Бунтовщиковъ онъ обѣщалъ наказать самъ.

Дольше всѣхъ крѣпился князь Галицкій Даніилъ Романовичъ, правившій тогда Галиціей, Волынью и Кі-

евской землей. Онъ былъ сильнѣе и богаче остальныхъ русскихъ князей и долго не являлся на поклонъ къ хану. Но въ 1250 году и онъ, по требованію Батыя, предсталъ предъ нимъ. Ханъ принялъ съ честью и, отпуская домой, далъ ему ярлыкъ на его княженіе. «Злѣе зла честь татарская,—писалъ по этому поводу лѣтописецъ,—великій князь Даніилъ Романовичъ, владѣвшій русской землей: Кіевомъ, Волынью и Галичемъ, стоитъ на колѣняхъ, холопомъ называется, дань обѣщаетъ платить, за жизнь свою трепещетъ, угрозъ страшится!» Правда Даніилъ и послѣ того въ душѣ не смирился и втайнѣ готовился къ освобожденію отъ ига татаръ; но татары зорко слѣдили за нимъ, и мечтамъ его не суждено было сбыться: раздираемая междуусобіями, расколотая на множество отдѣльныхъ владѣній, плохо связанныхъ между собой, Русь не могла сопротивляться сильному и сильному врагу.

V.

Собираніе Руси Москвою.

Удѣльный порядокъ возникъ до татарскаго нашествія, но развился и принялъ опредѣленный видъ при господствѣ татаръ. Однако, уже въ 14 вѣкѣ становится замѣтнымъ ростъ того удѣльнаго княжества, которое впослѣдствіи овладѣло всей Русью и положило конецъ ея раздробленности. Это было удѣльное Московское княжество.

Мы уже знаемъ, что впервые о Москвѣ упоминается въ 1147 г., но возникла она немного раньше. Небольшой городишко, на границѣ Суздальской земли, въ малонаселенной тогда мѣстности не привлекалъ вниманія князей. Московскій удѣлъ считался бѣднымъ и доставался самымъ младшимъ сыновьямъ великаго князя. Въ послѣд-

ней четверти 13-го вѣка Москва попала въ руки младшему сыну Александра Невскаго, Данилѣ Александровичу, который и сдѣлался родоначальникомъ Московскихъ князей. Даніилу нечего было разсчитывать на то, что онъ станетъ когда-нибудь великимъ княземъ владимірскимъ. Поэтому онъ направилъ всѣ свои заботы на благоустройство и расширеніе своего удѣла. Счастье улыбнулось ему и его сыновьямъ: Москва оказалась такъ хорошо расположенной, что незначительный и бѣдный вначалѣ Московскій удѣлъ росъ и богатѣлъ съ каждымъ десятилѣтіемъ.

Московская земля была прикрыта отъ внѣшнихъ враговъ, безпокоившихъ тогда Русь, другими княжествами: отъ Литвы Смоленскимъ, отъ татаръ—Владимірскимъ и Рязанскимъ. Жить здѣсь было гораздо безопаснѣе, поэтому населеніе Московской земли быстро возростало; а чѣмъ больше оно росло, тѣмъ богаче становилась княжеская казна. Обогащался князь и другимъ способомъ. По Московскому княжеству протекала многоводная тогда рѣка Москва, притокъ Оки; она соединяла Новгородскій край съ Суздальской землей, служила наиболѣе удобнымъ путемъ съ Оки въ Новгородъ и на Днѣпръ. А Новгородъ издавна славился своей торговлей, и новгородскіе купцы построили даже на перевалѣ изъ верхней Волги въ Москву-рѣку городъ Волоколамскъ. Самое его названіе свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь волокли суда по сушѣ изъ Волги въ Москву-рѣку, и обратно. Проѣзжая мимо Москвы, купцы платили князю пошлину, которая обогощала его казну.

Сыновья Данилы, Юрій и Иванъ, княжившіе въ Москвѣ одинъ послѣ другого, не менѣе усердно хлопотали объ устроеніи и расширеніи своего удѣла. Особенно много хозяйственной сообразительности и изворотливости обнаружилъ Иванъ, прозванный современниками за его

скопидомство Калитой (что значитъ кошель, денежный мѣшокъ). Всюду, гдѣ только можно, покупалъ онъ деревни, села, угодья, даже цѣлые города (Бѣлозерскъ, Галичъ, Угличъ). Бѣднѣвшіе отъ татарскихъ погромовъ и междукняжескихъ потасовокъ удѣльные властители и бояре охотно продавали московскому князю по частямъ и цѣликомъ свои земли. Чтобы заселить свои владѣнія, Калита отовсюду сманивалъ къ себѣ людей и давалъ имъ большія льготы, помогая устроиться на новомъ мѣстѣ; съ этой же цѣлью выкупалъ онъ даже русскихъ плѣнниковъ въ Ордѣ. Не брезговалъ онъ и прямымъ захватомъ чужой земли, когда подвертывался удобный случай. Такъ росло и крѣпло Московское княжество.

Преемники Ивана Калиты дѣйствовали въ томъ же направленіи.

Лестью, угодливостью и богатыми приношеніями хану, его женамъ и вліятельнымъ лицамъ при ханскомъ дворѣ, московскіе князья сумѣли заручиться благорасположеніемъ татаръ. И татарская помощь очень имъ пригодилась, когда они заявили желаніе занять великокняжескій владимірскій столъ. Въ лицѣ тверскихъ князей передъ нимп оказались могущественные соперники. Тверское княжество было въ то время обширнѣе, богаче и сильнѣе Московскаго, и тверской князь имѣлъ званіе великаго.

Послѣ смерти великаго князя владимірскаго Андрея (сына Александра Невскаго) владимірскій столъ переходилъ по старшинству къ Михаилу Тверскому. Однако Юрій Даниловичъ заявилъ, что и онъ имѣетъ не меньшія права на Владиміръ. Онъ былъ не правъ, но видно чувствовалъ за собой силу, если вздумалъ тягаться съ тверскимъ княземъ. Рѣшеніе спора зависѣло отъ хана. Михаилъ и Юрій съ богатыми подарками отправились

въ Орду. «Если дашь больше Михаила тверского, — сказали въ Ордѣ Юрію, — и мы тебѣ великое княженіе дадимъ». Но Михаилъ далъ больше, и Владиміръ ускользнулъ изъ рукъ Юрія. Но онъ не отказался отъ своей затѣи. У тверскихъ князей уже давно были непріязненныя отношенія съ Новгородомъ, и какъ разъ теперь они особенно обострились. Юрій сталъ на сторону Новгорода и доставилъ большія непріятности Твери. Въ то же время онъ гдѣ силой, а гдѣ хитростью расширялъ свои владѣнія насчетъ сосѣднихъ удѣловъ. Между тѣмъ старый ханъ умеръ, его мѣсто занялъ новый, Узбекъ. Михаилъ поторопился въ Орду подкрѣпить свой ярлыкъ и кстати пожаловаться на Юрія. Московскаго князя вызвали къ отвѣту. Но ловкій и хитрый Юрій сумѣлъ склонить и хана, и его приближенныхъ въ свою пользу. Онъ даже женился на сестрѣ Узбека, Кончакѣ. Михаила онъ такъ очернилъ, что ханъ отправилъ одного изъ своихъ приближенныхъ вмѣстѣ съ Юріемъ для разбора его тяжбы съ тверскимъ княземъ. Пользуясь поддержкой хана, Юрій собралъ войско и напалъ на Михаила, но былъ разбитъ, а Кончака попала въ плѣнъ и въ плѣну неожиданно умерла. Юрій поспѣшилъ воспользоваться смертью жены и обвинилъ Михаила въ отравленіи Кончаки. Разгнѣванный Узбекъ потребовалъ Михаила къ отвѣту. При живѣйшемъ содѣйствіи Юрія, тверской князь былъ признанъ виновнымъ и звѣрски убитъ. Наконецъ-то желаніе Юрія сбылось, и онъ возвратился въ Москву великимъ княземъ. Но вскорѣ у него возникаетъ ссора съ сыномъ покойнаго тверского князя, Дмитріемъ Грозныя очи, и онъ отправился въ Орду жаловаться на него хану. Дмитрій тоже поѣхалъ туда и при первой же встрѣчѣ съ виновникомъ мученической смерти отца вспылилъ и убилъ Юрія. И хотя Узбекъ

велѣлъ казнить Дмитрія, однако далъ ярлыкъ на великое княженіе его брату Александру.

Тяжелой цѣной купилъ тверской князь это почетное званіе: населеніе Тверской земли было обложено двойною татарскою данью. Измученные непосильными поборами, тверичи не выдержали и однажды возстали и перебили татарскихъ сборщиковъ. Этого только, казалось, и ждалъ преемникъ Юрія въ Москвѣ, уже извѣстный намъ Иванъ Калита. Онъ поспѣшилъ въ Орду и предложилъ хану свои услуги для наказанія мятежниковъ. Ханъ далъ ему сильное татарское войско и потребовалъ отъ многихъ удѣльныхъ князей, чтобы они присоединили свои ополченія къ войску Ивана Калиты. Московская рать и татары такъ сильно опустошили Тверскую землю, что надолго сдѣлали ее почти безлюдной. Въ награду за хорошо исполненное порученіе ханъ возвелъ Ивана въ великокняжеское достоинство, которое съ этихъ поръ такъ и остается за московскими князьями. Возвращаясь домой, татары по пути сильно разгромили Ростовскую, Ярославскую и Рязанскую землю. Осталась нетронутой одна только Московская область.

Итакъ, борьба съ Тверью кончилась усиленіемъ Московскаго княжества. Народъ изъ опустошенныхъ областей толпами устремлялся въ Московскую землю; шли и черные люди, и бояре, одни находили здѣсь болѣе спокойную работу, другіе болѣе прибыльную службу.

Благоволеніе хана къ московскому князю пошло ему и въ другомъ отношеніи въ пользу. Въ Ордѣ возникли безпорядки, русскіе воспользовались этимъ и перестали аккуратно платить дань. Иванъ Калита предложилъ и тутъ свои услуги, и Узбекъ поручилъ ему собирать татарскую дань со многихъ удѣльныхъ князей. Иванъ Калита старался, конечно, не столько ради хана, сколько

ради себя. Хану онъ отсылалъ аккуратно все, что слѣдовало, но у него въ карманѣ оставался изрядный излишекъ, который обогощалъ его и безъ того довольно богатую казну. Узбекъ очень полюбилъ расторопнаго и, какъ ему казалось, всей душей преданнаго ему московскаго князя, и татары не трогали его владѣній. «Тишина установилась въ русской землѣ лѣтъ на сорокъ,— говоритъ объ этомъ времени лѣтописецъ,—и татары перестали воевать ее». Пользуясь своимъ вліяніемъ въ Ордѣ и своей силой, Иванъ Калита притѣснялъ своихъ сосѣдей и, подчиняя ихъ себѣ, урывалъ въ свою собственность кусочки ихъ владѣній.

Въ 1341 г. Калита умеръ, и его сыновья были приняты Узбекомъ очень ласково. Старшему сыну Семеону отданы были «подъ руку», т. е. въ подчиненіе всѣ русскіе князья; онъ первый изъ русскихъ князей сталъ именовать себя «великимъ княземъ всея Руси». Послѣ смерти Семеона Гордаго (такъ звали его современники) въ 1353 г. великимъ княземъ сталъ его братъ Иванъ, котораго ханъ сдѣлалъ судьею надъ всѣми русскими князьями. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширены были права великаго князя московскаго и по сбору ханской дани.

Такъ подъ покровомъ Орды разрозненная Русь собиралась постепенно вокругъ Москвы. И огромное большинство населенія сочувственно относилось къ ея усиленію. Раздоры князей разоряли народъ, и онъ ничего худого не видѣлъ въ томъ, что одинъ изъ нихъ подчиняетъ себѣ всѣхъ прочихъ. А помимо того, нигдѣ не жилось такъ спокойно, какъ въ Московской землѣ, «подъ рукою» московскаго князя. Духовенство тоже всячески поддерживало усиленіе Москвы: монастырямъ и архіереямъ выгоднѣе было имѣть дѣло съ однимъ княземъ, чѣмъ быть въ зависимости отъ многихъ, и они начали тянуть

въ сторону Москвы. Въ 1299 г. митрополитъ кіевскій Максимъ переѣхалъ во Владиміръ-на-Клязьмѣ, а его преемникъ,, митрополитъ Петръ, другъ Калиты, перебрался въ Москву, гдѣ жить было и безопаснѣе, и привольнѣе. Такъ Москва стала церковной столицей Руси. Здѣсь возникъ богатый митрополичій дворъ и сюда стали стекаться обширныя церковныя богатства. Въ сознаніи вѣрующаго народа московскій князь сталъ подъ защиту высшаго пастыря русской церкви.

Въ княженіе сына Ивана II, Дмитрія Донского, Русь впервые осмѣлилась поднять руку на своихъ паработителей, татаръ. И это стало возможнымъ только благодаря усиленію Московскаго княжества. Какъ разъ въ то время, когда на Руси усиливалось это княжество и подчиняло себѣ другія, уничтожая, такимъ образомъ, удѣльную неурядицу, въ Ордѣ происходили безпорядки, и отдѣльные татарскіе князья боролись другъ съ другомъ за обладаніемъ ханскимъ столомъ. Эта междуусобная борьба, конечно, ослабляла Орду, и нѣкоторое время Дмитрій прекратилъ даже взносъ дани и вообще уменьшилъ ея размѣры. Зато на татарской границѣ стало безпокойнѣе, отдѣльные татарскіе князья то и дѣло врывались въ русскую землю, и хотя всюду встрѣчали отпоръ, но нерѣдко раззоряли много деревень и городовъ. Однажды Дмитрій разбилъ сильное татарское войско на берегахъ рѣки Вожи (притокъ Оки) въ Рязанской землѣ. Это пораженіе страшно разсердило хана Мамая, только что утвердившагося въ Ордѣ, и онъ рѣшилъ напомнить Руси времена Батыя. Огромная татарская рать двинулась на Русь. Дмитрій тоже собралъ ополченіе въ 150 тысячъ человѣкъ, и 8 сентября 1380 г. два огромныхъ враждебныхъ войска встрѣтились на Куликовомъ полѣ при впаденіи рѣчки Непрядвы въ Донъ. Произошла оже-

сточенная битва, и татары на голову были разбиты.

Рис. 13 Татары плутъ!

Здѣсь впервые русскіе убѣдились, что они могутъ бо-

роться съ татарской силой. Послѣ этой побѣды значеніе и вліяніе московскаго князя выросло еще больше.

Однако, Куликовская побѣда еще не избавила Русь отъ татаръ. Изъ глубинъ Азіи явился новый ханъ Тохтамышъ съ свѣжими татарскими силами; онъ свергнулъ Мамая и въ 1382 г. вторгнулся въ Московскую землю и страшно ее опустошилъ, но Москву, обнесенную крѣпкими каменными стѣнами взять силой не могъ; онъ взялъ ее обманомъ и ограбилъ. Дмитрій еще до появленія Тохтамыша бѣжалъ въ сѣверныя части своихъ владѣній и вернулся, когда татары ушли. Не желая еще разъ подвергнуться разгрому, онъ счелъ за лучшее принести хану покорность и вновь призналъ себя ханскимъ данникомъ. Только сто лѣтъ спустя раздѣлалась Русь окончательно съ татарскимъ владычествомъ.

Среди московскихъ князей установился обычай, въ силу котораго великій князь, умирая, завѣщалъ старшему своему сыну бо́льшую часть владѣній, чѣмъ младшимъ. Такъ, старшій изъ пяти сыновей Дмитрія Донского получилъ одну треть, а остальные четверо двѣ трети московскихъ земель, т. е. вдвое меньше, чѣмъ старшій. Въ слѣдующихъ поколѣніяхъ доля старшаго все возрастала и въ началѣ 16 вѣка дошла до трехъ четвертей всего княжества. Вмѣстѣ съ этимъ росла, конечно, и его власть. Такой порядокъ наслѣдованія препятствовалъ Московскому княжеству распасться на рядъ мелкихъ удѣловъ.

Ростъ силы и значенія московскихъ великихъ князей постепенно измѣнялъ положеніе удѣльныхъ князей и бояръ. Князья обыкновенно договаривались между собою о своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, и свои права и обязанности по отношенію другъ къ другу записывали въ особыхъ грамотахъ, большее число которыхъ сохранилось до нашего времени. Входилъ въ договоры съ другими

князьями и московскій князь. Чѣмъ больше росла власть этого послѣдняго, тѣмъ больше стѣснялась по договорамъ власть удѣльныхъ князей. Московскіе князья требуютъ отъ нихъ обязательной военной службы: «сядетъ великій князь на коня (т. е. соберется въ походъ), то и удѣльнымъ садиться на коней; когда самъ онъ не пойдетъ, а ихъ пошлетъ, то имъ идти безъ ослушанія»; такъ пишется въ договорной грамотѣ. Они требуютъ, далѣе отъ удѣльныхъ князей быть всегда въ союзѣ съ Москвой: «кто великому князю другъ, тотъ и удѣльному другъ, а кто врагъ великому князю, тотъ и удѣльному врагъ.» Удѣльные князья, сверхъ того, обязываются не сноситься съ Ордой помимо великаго князя и не вносить самимъ туда дани: «Орды не знати», читаемъ мы въ договорахъ. Такъ, все болѣе и болѣе подчинялись удѣльные князья князю московскому. Начиная съ Дмитрія Донского московскіе удѣльные князья обязуются служить не только старшему своему брату, но и его сыновьямъ, а также не домогаться ихъ московской отчины и великаго княженія Владимірскаго.

Бояре тоже стѣсняются въ своемъ правѣ переѣзда отъ князя къ князю, попадая, такимъ образомъ, въ болѣе тѣсную зависимость отъ великаго князя московскаго. Въ это время въ Москвѣ жили бояре со всѣхъ концовъ Руси. Получая отъ князя большія помѣстья, они стали усердными его помощниками и много содѣйствовали усиленію Москвы. Имъ выгодно было поддерживать первенство московскаго князя и они противились переходу великокняжескаго стола во Владимірѣ въ другія руки. Такъ, послѣ смерти Ивана Ивановича суздальскій князь попытался было овладѣть Владиміромъ, но безуспѣшно: московскіе бояре, правившіе Москвой за малолѣтствомъ князя Дмитрія Ивановича, собрали большое и сильное опол-

ченіе и заняли Владиміръ, а затѣмъ осадили Суздаль и заставили его князя отказаться отъ своихъ притязаній на велико-княжескій столъ. Не даромъ, умирая, Дмитрій Донской просилъ своихъ дѣтей любить и жаловать своихъ бояръ и слушать ихъ совѣтовъ. Но въ то же время «отъѣзды» бояръ вызывали въ московскомъ князѣ все большее и большее неудовольствіе. Онъ сталъ приравнивать даже этотъ поступокъ къ измѣнѣ.

Послѣ Дмитрія Донского московское княжество продолжало неудержимо рости. Его сынъ и преемникъ, Василій Дмитріевичъ, или Василій I (съ 1389 по 1426 г.), присоединилъ къ Москвѣ покупками и силой Нижній-Новгородъ, Суздаль, Муромъ, Городецъ, Тарусу, Боровскъ. При немъ Руси грозило новое нашествіе монголовъ, не менѣе опустошительное, чѣмъ нашествіе Батыя. Ханъ Тохтамышъ не поладилъ съ своимъ верховнымъ повелителемъ Тимуромъ, пли Тамерланомъ, который и явился изъ Азіи съ огромнымъ войскомъ, чтобы наказать своего непокорнаго слугу. Тохтамышъ былъ разбитъ, и Тимуръ, преслѣдуя его, вступилъ въ предѣлы Руси. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось это вторженіе, если бы Тимуръ вдругъ не повернулъ назадъ и не ушелъ въ средне-азіатскія степи (1395 г.). Лѣтъ 12 спустя новый ханъ Золотой Орды, Эдигей, тоже напомнилъ Руси о татарахъ. Неожиданно явился онъ подъ стѣнами Москвы (въ 1408 г.) и осадилъ ее, но взять не могъ и, ограничившись опустошеніемъ окрестностей и взятіемъ выкупа въ 300 тысячъ рублей на наши деньги, ушелъ обратно. Василій I, воспользовавшись неурядицами въ Ордѣ, пересталъ платить дань, и она цѣликомъ поступала въ его казну. Даже нашествіе Эдигея не заставило его дѣйствовать иначе. Такъ выросла сила московскаго князя. Сила эта росла одновременно съ обезсиленіемъ Орды.

Какъ велика стала сила московскаго великаго князя при Дмитріи Донскомъ, видно изъ его успѣшной борьбы съ княземъ Михаиломъ тверскимъ. Михаилу удалось получить отъ хана ярлыкъ на великое княженіе Владимірское, но Дмитрій рѣшительно заявилъ ханскому послу: «Михаила въ княженіе Владимірское не пущу.» Правда, вскорѣ же послѣ того онъ поѣхалъ въ Орду и щедрыми подарками расположилъ въ свою пользу хана и его приближенныхъ. Михаилъ тверской призвалъ на помощь литовцевъ, которые два раза жестоко опустошили Московскую область, но, наконецъ, въ третій разъ были разбиты и перестали поддерживать тверского князя. Михаилъ долженъ былъ уступить и заключить миръ «по всей волѣ» московскаго князя. Одновременно воевода Дмитрія Волынскій-Боброкъ совершилъ походъ въ Рязанскую землю и нанесъ жестокое пораженіе князю рязанскому, который сильно безпокоилъ Москву. Ни одинъ князь того времени не могъ бы сразу вести двѣ войны на двухъ противоположныхъ границахъ своего княжества. Только московскому было это подъ силу.

Но по мѣрѣ того, какъ Русь, объединяемая Москвой, переставала бояться татаръ, съ запада ей начиналъ угрожать новый врагъ въ лицѣ сильнаго Литовскаго государства. Литовскій князь овладѣлъ древнимъ Полоцкимъ княжествомъ и нѣкоторыми русскими областями по Днѣпру и Припети, угрожалъ Пскову, а при Василіи I захватилъ Смоленскъ и придвинулъ свою границу до рѣки Угры (притокъ Оки). Однако, Василій считалъ болѣе подходящимъ дружить съ Литвой, чѣмъ вступать съ ней въ открытую борьбу. Онъ даже женился на дочери литовскаго князя Витовта, Софьѣ. Серьезная борьба съ Литвою досталась преемникамъ Василія I.

При малолѣтнемъ сынѣ Василія, Василіи Василье-

вичѣ, котораго отецъ благословилъ на великое княженіе, въ Москвѣ впервые вспыхнула усобица. Дядя его, князь Юрій Галицкій, задумалъ самъ воспользоваться, по праву старшинства, великимъ княженіемъ и Москвой. Его поддержали нѣкоторые бояре, перешедшіе къ нему отъ Василія II, который ихъ чѣмъ-то обидѣлъ. При ихъ помощи Юрій захватилъ Москву, а Василія посадилъ въ Коломнѣ. До 1434 года сидѣлъ Юрій въ Москвѣ, гдѣ и умеръ великимъ княземъ. Теперь возникъ вопросъ, кому долженъ перейти великокняжескій столъ: Василію Васильевичу, или сыну Юрія, Василію Юрьевичу. Большинство князей, въ томъ числѣ даже родной братъ Василія Юрьевича, Дмитрій Шемяка, и все духовенство стояли за Василія Васильевича. Но споръ рѣшило оружіе: сынъ Юрія былъ разбитъ, захваченъ въ плѣнъ и ослѣпленъ, почему и получилъ прозвище Косого. Раздѣлавшись съ Василіемъ Косымъ, Василій II не могъ, однако, считать свое положеніе прочнымъ: противъ него втайнѣ точили зубы Дмитрій Шемяка и его друзья, князья верейскій и можайскій.

Въ Ордѣ въ это время происходила взаимная борьба князей и князьковъ. Одинъ изъ нихъ отдѣлился отъ Золотой Орды, захватилъ обширную мѣстность близъ Нижняго Новгорода и положилъ начало особому татарскому государству, которое впослѣдствіи получило названіе Казанскаго царства. Василій вздумалъ было выгнать татаръ отсюда, но потерпѣлъ пораженіе и самъ попалъ въ плѣнъ (1445 г.). Тяжкимъ выкупомъ получивъ свободу, Василій Васильевичъ вернулся въ Москву въ сопровожденіи многихъ татарскихъ князей, которымъ сталъ раздавать города и помѣстья «на кормленіе». Это вызвало всеобщее неудовольствіе, которымъ и воспользовался Шемяка. Онъ врасплохъ захватилъ Василія, посадилъ его въ тюрьму

и велѣлъ ослѣпить (отсюда кличка Василій—Темный). Послѣ того онъ поселилъ его въ Угличѣ, а самъ сталъ великимъ княземъ. Но тутъ онъ встрѣтилъ сопротивленіе сначала со стороны духовенства, къ которому присоединились затѣмъ многіе удѣльные князья и бояре. Къ роду Ивана Калиты уже привыкли и не захотѣли заводить новыхъ порядковъ во владѣніи великимъ княжествомъ; къ тому же боялись возобновленія старинныхъ княжескихъ усобицъ, раздиравшихъ Русь на части. Василій Темный, при дружной поддержкѣ своихъ многочисленныхъ сторонниковъ, выгналъ Шемяку изъ Москвы и возстановилъ свои права. Но еще года три продолжалась борьба съ Шемякой, котораго поддерживали нѣкоторые удѣльные князья и вольный городъ Новгородъ. Въ 1450 г. Шемяка потерпѣлъ окончательное пораженіе, бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ три года спустя и умеръ. Василій Темный отобралъ у союзниковъ Шемяки ихъ удѣлы и взялъ съ Новгорода огромную дань. Эта была послѣдняя попытка удѣльныхъ князей пріостановить ростъ Москвы.

Между тѣмъ вдалекѣ отъ Москвы происходили событія, которыя неожиданнымъ образомъ еще сильнѣе укрѣпили власть князя московскаго. Чингисъ-Ханъ, внукъ котораго Батый завоевалъ Русь, сдвинулъ, между прочимъ, съ мѣста кочевыя племена турокъ. Изъ Туркестана (въ Азіи), гдѣ они сперва жили, турки перешли въ Малую Азію, приняли магометанскую вѣру, многому научились отъ арабовъ и образовали сильное военное государство. Захвативъ всю Малую Азію, турки неоднократно пытались пробраться въ Европу, прежде всего въ Византію. Во второй половинѣ XIV в. одинъ изъ греческихъ князей, желая завладѣть императорской короной, призвалъ на помощь турокъ и впустилъ ихъ въ Грецію, куда они раньше не могли проникнуть. Турки восполь-

зовались этимъ и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ завоевали большую часть Балканскаго полуострова; сербы и болгары потеряли свою самостоятельность, а въ 1430 году отъ прежней Греціи оставался только Константинополь и его окрестности. Еще нѣсколько лѣтъ, и отъ великаго когда-то государства осталось одно лишь воспоминаніе.

Ища помощи, константинопольскій императоръ обратился къ римскому папѣ съ просьбой устроить Крестовый походъ на невѣрныхъ. Папа согласился, но съ условіемъ, если восточная православная церковь признаетъ власть римскаго архіепископа. Для переговоровъ въ итальянскомъ городѣ Флоренціи устроили церковный соборъ, куда поѣхали и греческіе архіереи. Константинопольскій патріархъ желалъ привлечь къ соединенію (или къ уніи) съ римской церковью и русское духовенство; для этого онъ сдѣлалъ русскимъ митрополитомъ сторонника уніи, грека Исидора. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву Исидоръ отпросился за-границу, куда и поѣхалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ архіереевъ и архимандритовъ. Не одинъ годъ длились споры, но, наконецъ, унія состоялась, и папа объявленъ былъ высшей духовной властью также и въ православныхъ странахъ. Возвратившись въ Москву, Исидоръ послѣ первой же литургіи, на которой онъ объявилъ о состоявшемся соединеніи церквей, былъ схваченъ и посаженъ подъ стражу. Духовенство обвинило его въ отступленіи отъ православія и осудило унію съ Римомъ, а на греческое духовенство пало подозрѣніе въ измѣнѣ православію. Въ 1447 г. впервые избранъ былъ на соборѣ русскихъ епископовъ русскій митрополитъ, который не поѣхалъ въ Константинополь за утвержденіемъ въ санѣ, какъ это бывало раньше.

Между тѣмъ Крестовый походъ, объявленный папой, не удался, и турки обложили столицу Греціи. Въ 1453

Карта II. Великое княжество Московское въ началѣ 15 вѣка.

году Константинополь палъ, и Грецiя перестала существовать. Событiе это произвело огромное внечатлѣнiе на москвичей. Дѣло въ томъ, что сами греки неоднократно внушали русскимъ мысль, что греческiй императоръ есть глава православныхъ. Теперь этого главы не стало. Въ то же время, греческiй императоръ, желая получить отъ Василiя Темнаго помощь, называлъ его въ письмахъ: «Государь, братъ мой». Но если греки измѣнили православiю, если не стало греческаго императора, то единственными представителями православiя, думали въ Москвѣ, являются русскiе, а на московскихъ князей переходятъ обязанности императора, т.-е. они становятся верховными защитниками и покровителями православной церкви и вѣры. Такая мысль все сильнѣе и сильнѣе распространялась среди русскаго духовенства послѣ паденiя Константинополя. Митрополитъ Iона именовалъ уже Василiя Темнаго «великимъ государемъ, царемъ русскимъ, благочестивымъ и благороднымъ великимъ княземъ». Такъ высоко поднялось значенiе когда-то мелкаго и незначительнаго московскаго удѣльнаго князя. Онъ начинаетъ выступать теперь все чаще и чаще, какъ государь «всея Руси».

VI.

Церковь въ Удѣльной Руси.

Устройство русской церкви и положенiе духовенства осталось въ общихъ чертахъ то же самое, что и въ Кiевской Руси. Оно измѣнилось лишь постольку, поскольку измѣнился экономическiй и полититическiй бытъ удѣльнаго времени. По прежнему во главѣ русской церкви стоялъ митрополитъ, назначавшiйся константинопольскимъ патрiархомъ. Это былъ, по большей части, грекъ, плохо

понимавшій русскую рѣчь. Но постепенно на митрополичьемъ мѣстѣ стали все чаще и чаще появляться русскіе. Съ половины 15 в. русская церковь окончательно освободилась отъ подчиненія греческой, и митрополитъ сталъ выбираться на соборѣ русскихъ епископовъ. Правда, зависимость отъ патріарха смѣнилась зависимостью отъ великаго князя московскаго. Но мы уже знаемъ, что и вообще епископы всегда находились въ сильной зависимости отъ князей.

Въ серединѣ 13 в. на Руси было 16 епархій, впослѣдствіи число ихъ увеличилось до 18. Епископскій и митрополичій дворъ былъ устроенъ по образцу княжескаго. Владыки имѣли обширныя земельныя владѣнія, со многими селами, деревнями и даже городами. Доходы съ этихъ селеній обогощали ихъ казну. У нихъ были свои бояре, стольники, чашники и проч. чины; своя дружина съ воеводой во главѣ. Владѣнія дѣлились на волости, округа (десятины) и села, во главѣ которыхъ стояли волостели, десятинники и посельскіе. Они собирали владычніе доходы, творили судъ и расправу надъ подчиненными имъ людьми. Словомъ передъ нами тотъ же княжескій удѣлъ или боярская вотчина, только съ духовнымъ владѣльцемъ во главѣ.

Татары очень терпимо относились къ духовенству. Они уважали всякую вѣру и не обижали ея представителей, духовныхъ лицъ. Но, чтобы обезпечить себя отъ баскаковъ и неожиданныхъ татарскихъ наѣздовъ, епископы заручались особыми ханскими ярлыками, въ которыхъ точно перечислялись права духовенства. Права эти были велики. Прежде всего ханы строго запрещали татарамъ нападать на вѣру русскихъ: «а кто вѣру ихъ похулитъ,—говорится въ одномъ ярлыкѣ,—или ругается, тотъ ничѣмъ не оправдывается и умретъ злою смертію;—

или что въ законѣ ихъ—иконы и книги или иное что, почему Бога молятъ, того да не емлютъ, не издерутъ, не испортятъ.» Духовенство освобождалось отъ дани въ Орду: «не надобѣ съ нихъ дань и шамга (пошлина съ товаровъ) и поплужное; ни ямъ, ни подводы, ни война, ни кормъ, не надобѣ съ нихъ никакихъ пошлинъ...., а кто возьметъ—баскаки наши, княжіи писцы, поплужники, таможники—тотъ не оправдается и смертію да умретъ». Церковное имущество и церковные люди объявлялись неприкосновенными: «церковныя земли, воды, огороды, виноградники, мельницы, зимовища, лѣтовища, да не трогаютъ ихъ, а что будетъ взяли, то отдадутъ безпосульно; а что церковные люди: маскира, сокольники, пардусники (звѣроловы) или и слуги работники и кто не будетъ ихъ люди, тѣхъ не трогаютъ ни на что,—ни на работу, ни на сторожу.» Такимъ образомъ, церковное землевладѣніе менѣе пострадало отъ татаръ, чѣмъ княжеское и боярское

Выборъ священниковъ производился самими прихожанами. Архіереи только утверждали ихъ. Такъ гласили церковныя правила; на дѣлѣ же было иначе. Большинство церквей были сельскія; прихожане—крестьяне и бояре. Но первые находились въ зависимости отъ вторыхъ, поэтому дѣйствительными выборщиками священниковъ были бояре. Нерѣдко они добивались отъ епископа утвержденія въ священническомъ чинѣ своихъ холоповъ; черезъ нихъ они увеличивали свои доходы. Утверждая діакона или священника въ чинѣ, архіерей бралъ за это деньги, особую плату, и нерѣдки бывали случаи, когда утверждался тотъ, кто давалъ больше. Зло это (въ Западной Европѣ оно носило названіе симоніи, торговли церковными должностями) такъ усилилось, что на церковномъ соборѣ во Владимірѣ (1274 г.) постановили, чтобы плата за посвященіе не превышала семи гривенъ.

Положеніе священника, поставленнаго землевладѣльцемъ, было незавиднымъ; онъ не могъ и думать о свободномъ служеніи своему долгу; напротивъ, вся его дѣятельность находилась подъ присмотромъ его господина. Но не были свободными и высшіе чины церкви, архіереи и митрополиты. Вотъ какъ, напр., дѣйствовалъ Дмитрій Донской. При немъ умеръ уважаемый имъ митрополитъ Алексѣй; константинопольскій патріархъ назначилъ на его мѣсто епископа Галицкаго (въ южной Руси) Кипріана, но Дмитрій не принялъ его, а самовольно поставилъ Митяя. Митяй началъ править безъ посвященія, но затѣмъ отправился въ Константинополь; по дорогѣ онъ умеръ и нѣкто Пименъ, бывшій въ его свитѣ, заявилъ патріарху, что князь велѣлъ посвятить его, Пимена. Патріархъ такъ и сдѣлалъ, но Дмитрій не принялъ его и призналъ митрополитомъ Кипріана. Однако вскорѣ князь разсердился на владыку за то, что тотъ уѣхалъ въ Тверь во время нашествія Тохтамыша, прогналъ его и призвалъ Пимена. Понятно, что епископы и митрополиты чутко прислушивались къ волѣ великихъ князей и дѣйствовали сообразно ихъ указаніямъ. Въ Москвѣ интересы митрополита и князя надолго сливаются вмѣстѣ, но митрополитъ употребляетъ свою власть гораздо чаще въ интересахъ князя, чѣмъ князь свою власть въ интересахъ митрополита. Во время борьбы Калиты съ Тверью, князь тверской Александръ бѣжалъ въ Псковъ, думая найти тамъ защиту и убѣжище. Но, по настоянію Ивана Калиты, митрополитъ Петръ велѣлъ запереть во Псковѣ всѣ церкви, и Александръ ушелъ въ Литву. Такая же исторія случилась при Димитріи Донскомъ. Суздальскіе князья Борисъ и Димитрій боролись изъ-за обладанія Нижнимъ-Новгородомъ. Московскій князь взялъ сторону Димитрія, а митрополитъ Алексѣй приказалъ закрыть въ Нижнемъ церк-

ви и прекратить богослуженія и церковныя требы, пока тамъ находится Борисъ. Въ виду народнаго волненія тому пришлось смириться.

Когда стало возвышаться Московское княжество и постепенно вбирать въ себя другіе удѣлы, духовенство стало на сторону московскаго князя. Духовенство дѣйствовало не по врожденной любви къ единовластію, а въ силу своихъ имущественныхъ выгодъ. Церковныя и монастырскія земли были разсѣяны по разнымъ удѣламъ. Всякая война между удѣльными князьями отражалась и на этихъ земляхъ; бывали случаи, когда онѣ совсѣмъ ускользали изъ рукъ духовныхъ владѣльцевъ. Удѣльный князь прижималъ архіерея и монастырскаго игумена гораздо сильнѣе, нежели великій, чаще требовалъ помощи и чаще производилъ поборы. Въ войнѣ между двумя удѣльными князьями, во владѣніяхъ которыхъ находились земли какого-нибудь монастыря или владыки, эти послѣдніе часто не знали на чью сторону стать, кому помогать; уклониться отъ участія въ борьбѣ было нельзя, а принять участіе опасно. Поэтому-то духовенство (главнымъ образомъ, высшее) такъ ревностно и стояло за московскаго князя, что онъ устранялъ тѣ неудобства, которыя мѣшали ему спокойно пользоваться своимъ достояніемъ.

Мы уже знаемъ, что во время княженія Ивана Калиты Москва стала церковной столицей Руси. Сначала митрополиты жили въ Кіевѣ, но послѣ его разгрома татарами они переселились во Владиміръ на Клязьмѣ. На первыхъ порахъ они переѣзжали изъ Кіева во Владиміръ и обратно, большую часть времени проживая однако во Владимірѣ. Съ 1300 г. этотъ городъ окончательно становится резиденціей (мѣстопребываніемъ) митрополита. Въ 1305 г. умеръ митрополитъ Михаилъ, и константинопольскому патріарху пришлось выбирать между ста-

влепникомъ князя Михаила тверского и князя галицкаго (на югѣ) Юрія, который просилъ особаго митрополита

Рис. 14. Успенскій соборъ во Владимірѣ.

для Галича. Патріархъ рѣшилъ дѣло такимъ образомъ, что ставленника Юрія онъ дѣлалъ митрополитомъ всея Руси. Тверской князь, которому принадлежалъ тогда

Владиміръ, былъ недоволенъ, и Петру не особенно хорошо жилось въ этомъ городѣ. На его счастье, Тверь имѣла сильнаго врага въ лицѣ Москвы, и Петръ, путешествуя по дѣламъ церкви съ юга на сѣверъ, часто останавливался на перепутьи въ Москвѣ и подружился съ Иваномъ Калитой. Въ немъ-то онъ и нашелъ могущественнаго покровителя. Умирая, Петръ завѣщалъ похоронить себя въ Москвѣ, а его преемникъ Ѳеогностъ окончательно переселился сюда въ 1328 году. Мы уже знаемъ, что, ставъ подъ защиту Москвы, духовенство оказывало ей всяческую помощь въ ея борьбѣ съ другими удѣлами.

Въ Кіевской Руси число монастырей было невелико; къ концу 15 в. число ихъ возросло до 200. Измѣнился и самый строй монастырской жизни. Въ большинствѣ господствовалъ общежительный уставъ, т.-е. монахи не имѣли собственности и жили по строгимъ правиламъ. Въ пустынныхъ и дикихъ мѣстахъ, чаще всего за Волгой, возникали уединенные скиты, гдѣ спасались по нѣсколько монаховъ. Нѣкоторые изъ такихъ скитовъ выростали впослѣдствіи въ монастыри, которые обогащались землями и заводили большое хозяйство. Игуменъ монастыря превращался въ вотчинника-землевладѣльца, хозяина и правителя большой округой, куда не «въѣзжали» княжескіе волостели и намѣстники. Самымъ знаменитымъ монастыремъ сдѣлался монастырь, основанный Сергіемъ Радонежскимъ, Троицкая лавра, близъ Москвы.

Въ удѣльную эпоху (время) христіанство стало распространяться между инородцами Руси. Въ концѣ 14 в. св. Стефанъ Пермскій крестилъ зырянъ. Отсюда постепенно христіанство стало распространяться и дальше къ сѣверу и востоку, на другія инородческія племена.

VII.

Нравы и просвѣщеніе.

Мы видѣли, какая тяжкая жизнь выпала на долю русскаго народа въ 13, 14 и 15 вѣкахъ: наибольшая его часть, крестьянство, лишилось земли и попало въ крѣпкую зависимость отъ землевладѣльцевъ. Княжескія усобицы не прерывались, и князья усердно разоряли владѣнія другъ друга, отъ чего прежде всего страдали тѣ же крестьяне. Съ половины 13-го вѣка надъ Русью нависло татарское иго, особенно мучительное въ первые 25 — 30 лѣтъ своего существованія. Татары затруднили сношенія съ образованной Византіей (Греціей), которая, впрочемъ, и сама переживала тяжкія времена. Съ запада Руси угрожали литовцы, поляки и нѣмцы, и она мало имѣла мирныхъ сношеній съ болѣе образованными западно-европейскими народами. Изъ всѣхъ иностранныхъ народовъ русскіе ближе всего соприкоснулись съ татарами. Но что хорошаго могло принести это невольное, нежданное и нежелательное знакомство? Грубые, невѣжественные и жестокіе татары могли только усилить ту грубость нравовъ и то отсутствіе просвѣщенія, которыя и раньше царили въ русской жизни.

Хозяйственныя заботы человѣка того времени не только не требовали научныхъ знаній, но и простой грамоты. Воздѣлывать землю, выжигать лѣсъ, охотиться на звѣрей, добывать соль, собирать дани и подати, — все это такія занятія, которыя лишь изрѣдка, да и то въ самой незначительной мѣрѣ, требуютъ знакомства съ грамотой. Не только простые люди, но и большинство бояръ и князей не умѣли ни читать, ни писать. Такъ напр., Дмитрій Донской и Василій Темный были, по сло-

вамъ лѣтописца, не очень «горазды грамотѣ». Грамотные люди находились преимущественно среди духовенства, но люди начитанные и хоть немного просвѣщенные и здѣсь составляли рѣдкое явленіе. Еще кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, знали свою собственную страну, но о чужихъ странахъ и народахъ имѣли самыя туманныя понятія. Когда явились впервые татары и нанесли русскимъ пораженіе на рѣкѣ Калкѣ, лѣтописецъ только и могъ написать: «явился народъ, котораго никто не знаетъ, кто они и откуда вышли, и какой ихъ языкъ, и какого племени, и какая ихъ вѣра, а зовутъ ихъ татары, а иные говорятъ таурмены, а другіе — печенѣги, а иные говорятъ, что это тотъ народъ, о которомъ свидѣтельствуетъ Меѳодій, Патарскій епископъ». Вотъ что разсказываетъ этотъ Меѳодій, грекъ, сказаніе котораго уже давно было извѣстно русскимъ книжникамъ. Въ глубокой древности жили два поганыхъ народа, Гогъ и Магогъ. Великій царь Александръ Македонскій загналъ ихъ въ полуночныя страны, въ долину, окруженную со всѣхъ сторонъ высокими горами, и заперъ ихъ здѣсь. Только въ одномъ мѣстѣ горы имѣютъ проходъ, и здѣсь устроены были мѣдныя ворота, крѣпко затворены и замазаны сунклитомъ, особымъ составомъ, который не боится ни огня, ни желѣза. Эти нечистые народы выйдутъ, по приказанію Бога, изъ своего заключенія только предъ концомъ міра. По мнѣнію лѣтописца, татары и есть эти народы, Гогъ и Магогъ, и появленіе ихъ знаменуетъ скорую кончину міра. На этомъ объясненіи лѣтописецъ и успокоился, и никто не полюбопытствовалъ поближе познакомиться съ невѣдомымъ народомъ, пока онъ вновь не явился и не опустошилъ русскую землю.

Невѣжественное населеніе тогдашней Руси было совершенно безпомощно предъ лицомъ такихъ бѣдствій,

какъ голодъ и повальныя болѣзни. Оно не умѣло ни предупредить ихъ, ни бороться съ ними. Поэтому такого рода бѣдствія особенно часто посѣщали страну, и то вспыхивали въ одной какой-либо мѣстности, то охватывали цѣлый рядъ городовъ и селеній, то распространялись по всей русской землѣ. Впрочемъ, и западная Европа не въ меньшей мѣрѣ подвергалась тогда всѣмъ напастямъ голода и заразительныхъ болѣзней. Въ 1230 году надъ Русью, за исключеніемъ Кіева, разразился страшный голодъ, такъ какъ сентябрьскіе морозы погубили весь хлѣбъ на корню. Въ 1309 г. опять страшный голодъ разразился надъ Русью. Вѣроятно, голода неоднократно посѣщали страну и въ теченіе длиннаго промежутка времени между этими двумя годами; только нѣтъ о нихъ упоминанія въ лѣтописяхъ. За-то мы имѣемъ длинный перечень мѣстныхъ и общихъ голодовокъ въ теченіе 14 и 15 вв. То какой-то «крылатый червь»,—вѣроятно, саранча—съѣдаетъ хлѣбъ, то онъ гибнетъ отъ морозовъ, то ему навредили лѣсные и торфяные пожары, принимавшіе въ тѣ времена чудовищные размѣры. Подъ 1284 г. лѣтопись повѣствуетъ о сильномъ морѣ на животныхъ: погибло много лошадей и рогатаго скота на Руси, въ Польшѣ и у татаръ. О томъ же разсказывается въ 1298 и 1341 годахъ. Но гораздо ужаснѣе были повальныя болѣзни, жертвой которыхъ становились люди. Въ 1341 году страшный моръ (вѣроятно, моровая язва или «черная смерть», свирѣпствовавшая въ 14 в. и въ Западной Европѣ) на людей случился въ Псковѣ; въ 1351 г. онъ повторился здѣсь и одновременно свирѣпствовалъ въ Новгородѣ, Смоленскѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, Суздали и многихъ другихъ городахъ; въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ не осталось въ живыхъ ни одного человѣка. Въ 1353 году «черная смерть» свирѣпствовала въ Москвѣ и погубила,

между прочимъ, митрополита Ѳеогноста, великаго князя Семеона Гордаго, его брата Андрея и двухъ сыновей. Въ 1360 г. Псковъ опять становится жертвой этой страшной болѣзни. Въ 1363 г. «черная смерть» проникла въ Русь съ низовьевъ Волги, охватила прежде всего Нижній Новгородъ, затѣмъ перешла въ Рязань, Коломну, Переяславль, Москву, Тверь, Владиміръ, Суздаль и многіе другіе города; умирало въ день человѣкъ по 50 и болѣе. И послѣ того «моръ» неоднократно посѣщалъ то тотъ, то другой городъ, то цѣлую мѣстность, всегда производя страшное опустошеніе среди населенія и наводя на людей ужасъ.

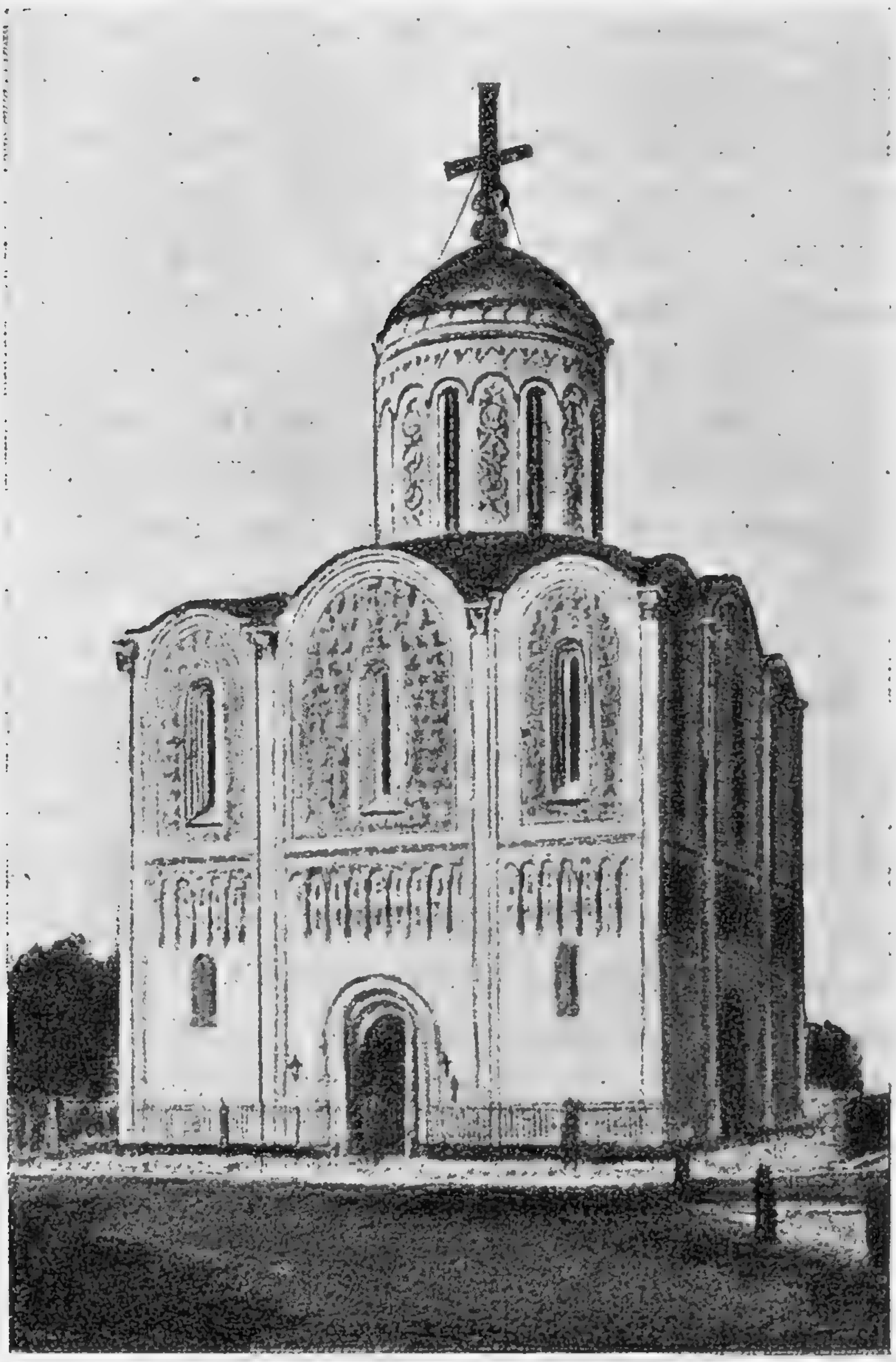


Рис. 15. Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ.

Невѣжественный человѣкъ всегда склоненъ къ суе-

вѣрію и дикимъ выходкамъ. Бѣдствія же только усиливаютъ старыя и порождаютъ новыя суевѣрія. Немудрено, слѣдовательно, что русскіе люди того времени были до крайности суевѣрны. Вѣрили въ близкую кончину міра, въ скорое свѣтопреставленіе; вѣрили въ колдовство, наговоръ и всякое чародѣйство. Во всякой бѣдѣ видѣли козни злыхъ людей. Нерѣдко бывали случаи, когда хва-

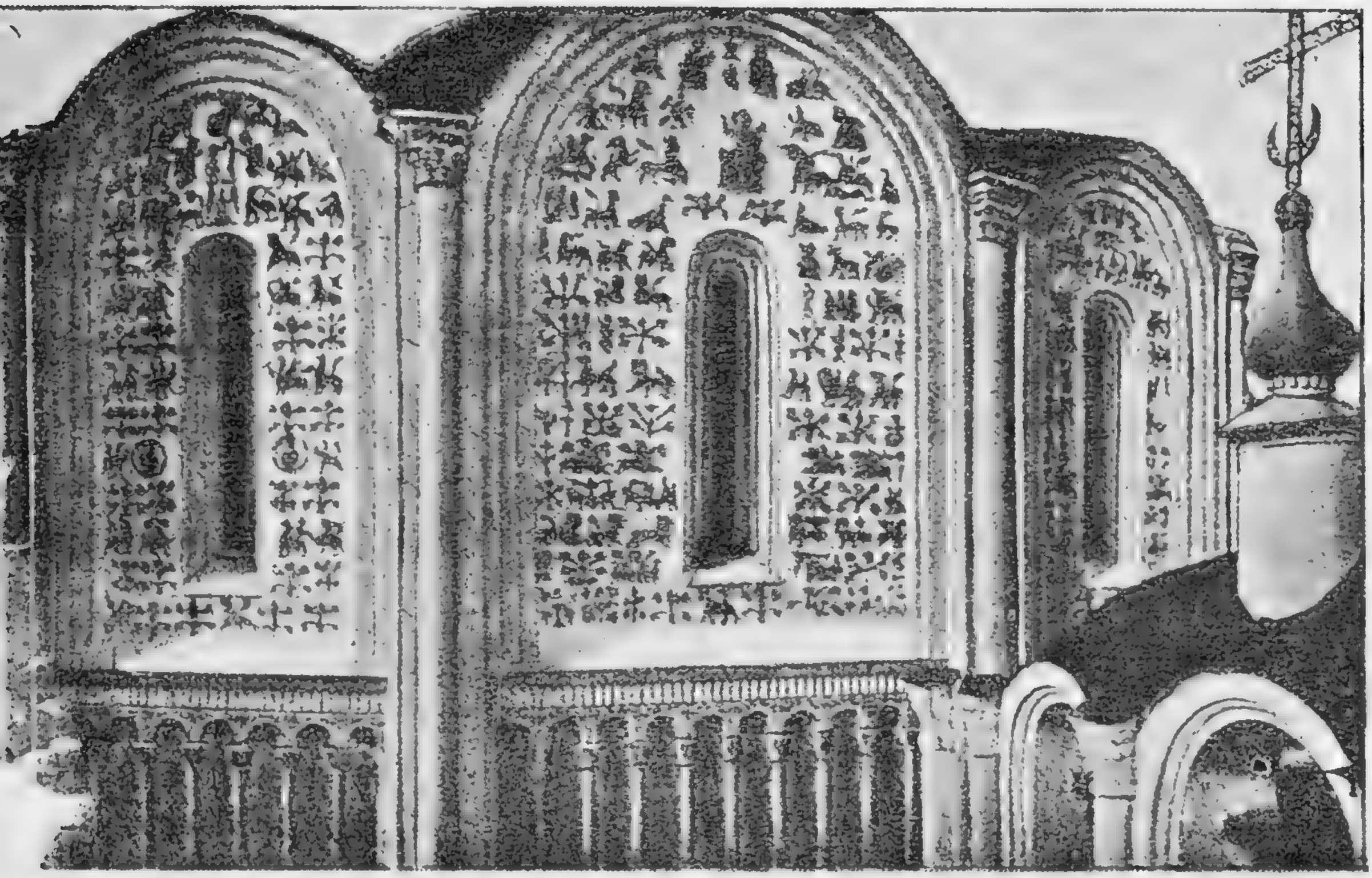


Рис. 16. Наружныя украшенія на стѣнѣ Дмитріевскаго собора.

тали совершенно невинныхъ дѣвушекъ и женщинъ, обвиняли ихъ въ колдовствѣ и сжигали на кострѣ. Особенно часто бывало это въ годины голодовокъ и мора. Суевѣрія такого рода были такъ распространены, что наиболѣе просвѣщенные представители церкви считали необходимымъ самымъ рѣшительнымъ образомъ бороться съ этимъ зломъ. Одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ

конца 13 вѣка, епископъ владимірскій Серапіонъ, въ одной изъ своихъ проповѣдей говоритъ: «Я было короткое время порадовался, дѣти, видя вашу любовь и послушаніе..., я сталъ было думать, вы утвердились и съ радостью принимаете божественное писаніе. Но вы все еще держитесь поганскаго обычая, волхвованію вѣруете и сожигаете невинныхъ людей. Если кто изъ васъ и самъ не билъ ихъ, но былъ въ сонмѣ съ другими въ одной мысли, и тотъ такой же убійца: ибо, если кто могъ помочь, да не помогъ,—все равно, что самъ велѣлъ убивать. Въ какихъ книгахъ, въ какихъ писаніяхъ вы слышали, что голода бываютъ на землѣ отъ волхвованія и, наоборотъ, волхвованіемъ же хлѣбъ умножается?... Скорблю о вашемъ безуміи, умоляю васъ, отступитесь отъ дѣлъ поганскихъ».

Одновременно съ укрѣпленіемъ христіанства въ странѣ въ народѣ усилилась религіозность (приверженность къ правиламъ вѣры). Этому содѣйствовали и тѣ бѣдствія, которыя обрушились на народъ съ нашествіемъ татаръ, и тѣ опустошенія, которыя производили въ немъ болѣзни и голодовки. Духовенство призывало къ покаянію и смиренію, предсказывало близкую кончину міра, и въ народѣ находилось не мало людей, которые охотно слѣдовали этимъ призывамъ. Но какъ и въ Кіевской Руси, народъ плохо разбирался въ сути ученія Христа и привыкалъ лишь къ формамъ и обрядамъ вѣры. Больше и усерднѣе соблюдали посты, чаще посѣщали церкви, больше молились, но въ жизни оставались тѣми же грубыми людьми, какими были и раньше. Однако, по сравненію съ 11 и 12 вв. религіозность несомнѣнно охватила болѣе широкій кругъ лицъ. Это видно хотя бы изъ того, что въ теченіе трехъ вѣковъ возникло болѣе полутораста новыхъ монастырей. Многіе изъ нихъ возникли такимъ образомъ.

Какой-нибудь искренно и глубоко вѣрующій человѣкъ уходилъ изъ міра и поселялся гдѣ-нибудь вдали отъ людей, среди лѣсной чащи, въ полнѣйшемъ одиночествѣ. Здѣсь онъ молился и каялся въ своихъ грѣхахъ, питаясь ягодами и кореньями растеній. Случайно о немъ узнавали жители близъ лежавшихъ селеній, и молва о подвижникѣ разносилась далеко по округѣ. Къ «божьему человѣку» начинали приходить за совѣтомъ, приносили ему хлѣбъ, а нѣкоторые, увлеченные его примѣромъ, селились вмѣстѣ съ нимъ. Возникалъ цѣлый скитъ, состоявшій изъ келій и часовни. Молва о подвижникахъ распространялась дальше и дальше; узнавали о нихъ князья и бояре и, радѣя о спасеніи своей души, приносили въ даръ скиту близъ лежавшія земли, дѣлали денежные вклады. Вскорѣ скитъ обстраивался, возводились деревянныя или каменныя стѣны; вырасталъ монастырь. Бывали случаи, когда основатель монастыря покидалъ его и опять уходилъ «въ пустыню», вдаль отъ людской суеты, поближе къ природѣ и Богу.

Для пустынножителя мірская жизнь была противна не только вслѣдствіе ея бѣдствій, но и вслѣдствіе ея грубости и жестокости. Что такое жизнь мірянъ? «Всегда наслажденіе и упитаніе,—говоритъ одинъ проповѣдникъ того времени,—всегда игры и позорища, всегда бани и лежаніе, всегда мысли и помыслы нечистыя». Пьянство процвѣтало такъ же пышно, какъ и во времена князя Владиміра Красное-Солнышко. Въ 1453 г. князь Василій Васильевичъ писалъ своимъ посельскимъ и приказнымъ: «Говорилъ мнѣ отецъ мой, Іона митрополитъ, что ваши люди ѣздятъ въ митрополичьи села по праздникамъ, по пирамъ и по братчинамъ, незваны и на этихъ пирахъ происходятъ душегубства, воровство и другихъ лихихъ дѣлъ много. И я, князь великій, далъ ми-

трополиту грамоту, что въ его села на праздникахъ по пирамъ и братчинамъ никому незваны не ѣздить». Изъ этого приказа видно, до чего доходило нерѣдко пьяное веселье. Воровство, разбой и озорство всякаго рода выросли до огромныхъ размѣровъ; дикъ становился человѣкъ. Мужья и отцы все чаще и чаще стали опасаться за своихъ женъ и дочерей. Именно въ это время сталъ распространяться обычай держать женщинъ особо отъ мужчинъ.

На войнѣ и въ наказаніяхъ воцарилась страшная жестокость. Нижегородцы, воюя съ финскимъ племенемъ, мордвой, взяли однажды много ихъ въ плѣнъ и затравили собаками. Смольняне во время похода въ Литву, сажали литовскихъ младенцевъ на колъ, либо вѣшали ихъ внизъ головой на жердяхъ, взрослыхъ давили между бревнами и т. п. Нерѣдко въ походѣ на татаръ ратники по пути грабили и избивали своихъ же, русскихъ. Митрополитъ Іона говоритъ, что вятичи, которыхъ привелъ съ собою Дмитрій-Шемяка, много православныхъ перемучили, переморили, иныхъ въ воду бросали, другихъ въ избахъ пожгли, коимъ глаза выжгли, младенцевъ на колъ сажали, взяли въ плѣнъ болѣе полуторы тысячи москвичей и продали ихъ татарамъ. Въ наказаніяхъ нерѣдко примѣняли такія мѣры, какъ обрѣзаніе носа, ушей, выкалываніе глазъ, отсѣченіе рукъ, битье кнутомъ и т. п. Вотъ какъ, напр., расправился Василій Темный съ нѣсколькими дружинниками князя серпуховскаго, котораго они задумали освободить изъ московской тюрьмы: онъ велѣлъ ихъ сначала бить кнутомъ, затѣмъ отсѣчь руки, отрѣзать носы, а нѣкоторымъ подъ конецъ отрубить и головы.

Въ отношеніяхъ другъ къ другу не было простоты, сердечности и доброты. Сильный давилъ слабаго, а сла-

бый хитрилъ, чтобы не быть совсѣмъ раздавленнымъ. Татарское иго только усиливало такія отношенія. «Бояре опирались на князя,—говоритъ одинъ историкъ, — какъ князь на Орду; какъ князь получалъ свое княженіе отъ хана, такъ и владѣніе имѣніемъ бояръ обезпечивалось милостью князя; боярин пріучался въ случаѣ нужды ползать передъ княземъ, какъ князь передъ ханомъ, и за то онъ могъ расporяжаться съ произволомъ надъ низшимъ, или чернымъ людомъ» (Костомаровъ). Болѣе слабый могъ удержаться и даже взять верхъ надъ болѣе сильнымъ только коварствомъ, хитростью, двоедушіемъ, и эти скверныя душевныя качества вызывали въ то время похвалу. Такъ, лѣтописецъ хвалитъ тверского

Рис. 17. Золотыя ворота во Владимірѣ.

князя за то, что тотъ, будучи слабымъ, сумѣлъ извернуться и не погибнуть въ борьбѣ двухъ сильныхъ, князя московскаго и Эдигея, хана Золотой Орды. «Исчезло мужество князей и воеводъ нашихъ», жалуется уже извѣстный намъ Серапіонъ и, обличая пороки своихъ современниковъ, ставитъ имъ въ примѣръ даже татаръ: «поганые, хоть и не

знаютъ Закона Божія, однако не убиваютъ своихъ единовѣрцевъ, не грабятъ, не съѣдаютъ завистью, не возводятъ клеветы, не крадутъ, не запираются въ чужомъ; никто изъ поганыхъ не продастъ брата своего».

Не мудрено, что грубый и невѣжественный народъ не создалъ ничего замѣчательнаго ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ. Научныя знанія остались тѣ же, что и въ Кіевской Руси. Литература была незначительна и ютилась въ монастыряхъ, такъ какъ только здѣсь находились люди, способные писать и переписывать. Были тутъ лѣтописцы, которые описывали главнѣйшія событія своего времени, были переписчики книгъ св. писанія и другихъ произведеній, были переводчики съ греческаго. Одинъ составлялъ житіе какого-нибудь мѣстнаго святого, другіе писали и переписывали поученія отцовъ церкви и нѣкоторыхъ тогдашнихъ проповѣдниковъ. Словомъ, литература была по преимуществу церковной. Были кое-какія повѣствованія и не церковнаго свойства, но такихъ было немного. Это по большей части — переводы сказочныхъ разсказовъ съ греческаго языка. Невѣроятныя происшествія и приключенія — вотъ что составляло содержаніе этихъ разсказовъ. Легковѣрный читатель съ наслажденіемъ садился за «Сказаніе объ Индіи богатой», или «Повѣсть о Соломонѣ», или «Притчу царя Соломона о царѣ Китоврасѣ» и нѣкоторыя другія.

Но вся эта литература вращалась въ небольшомъ кругу лицъ не только грамотныхъ, но и склонныхъ къ чтенію. Неграмотная народная масса ничего не знала о ней. Народъ по-прежнему пробавлялся своими сказками, пѣснями и былями. Онъ любилъ слушать сказки о бабѣ Ягѣ, лѣшемъ, водяномъ, русалкахъ, домовомъ, пѣсни и были о древнихъ русскихъ богатыряхъ и о томъ, почему и какъ перевелись они въ русской землѣ; складывали

пѣсни и были о татарской неволѣ, о тяжкой долѣ русскихъ людей, о борьбѣ съ татарами. Скоморохи и пѣсенники доставляли развлеченіе и давали умственную пищу народу.

Господство церковности отразилось и на искусствѣ,— оно было церковнымъ по преимуществу. Свои жилища люди того времени строили изъ дерева и мало заботились о ихъ красотѣ. Но за то много старались объ украшеніи церквей. Хорошо построенная и красивая церковь составляла гордость и славу того города, гдѣ она стояла. Особенной красотой церквей отличался въ удѣльное время Владиміръ на Клязмѣ. И замѣчательно, что этотъ городъ украсился церквами до нашествія татаръ: потомъ ужъ было не до украшенія городовъ. Андрей Боголюбскій построилъ чудесный Успенскій соборъ, сохранившійся почти неизмѣннымъ и понынѣ. Прочныя его стѣны выдержали всѣ невзгоды семивѣкового существованія. Лѣтописецъ, говоря, что Андрей Боголюбскій «доспѣ въ Володимірѣ церковь камену соборную святыя Богородицы, пречудну вельми», расхваливаетъ ее: «всѣми различными виды украси ю отъ злата и сребра, — пишетъ онъ,—и

Рис. 18. Лоно Авраамово.

пять верховъ ея позолоти, двери же церковныя трое золотомъ украси, каменьемъ дорогимъ и золотомъ украси ю многоцѣннымъ и всякими узорочьи удиви ю и всѣми виды и устроеніемъ подобна бысть удивленію Соломонови святая святыхъ». До нашего времени сохранилась во многихъ мѣстахъ этого храма стѣнная живопись. Стѣны расписывались нѣсколько разъ, и тѣ рисунки, которые теперь можно видѣть въ соборѣ, сдѣланы въ 1408 году, слѣдовательно, въ самомъ началѣ 15 в. знаменитымъ въ то время чисто русскимъ художникомъ Андреемъ Рублевымъ. Вообще же строили храмы и украшали ихъ лѣпкой и рисунками иностранцы, преимущественно греки. Здѣсь мы приводимъ, для примѣра, одинъ изъ стѣнныхъ рисунковъ Рублева. Онъ изображаетъ лоно Авраамово. Посреди райской зелени сидятъ Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ; у Авраама за пазухой праведная душа человѣка въ видѣ младенца. Другимъ замѣчательнымъ по красотѣ храмомъ является Дмитровскій соборъ, построенный въ концѣ 12 в. Всеволодомъ Большое Гнѣздо. Его стѣны изъ бѣлаго известняка украшены рѣзаными въ камнѣ фигурами святыхъ, животныхъ, птицъ и растеній. Сохранились въ качествѣ памятника старины и «Золотыя ворота», построенныя Андреемъ Боголюбскимъ, въ подражаніе такимъ же воротамъ въ Кіевѣ. Только исчезла старинная церковь подъ воротами, а на ея мѣстѣ построена новая въ 18 вѣкѣ.

Владимірскія церкви славились по всей Руси. И только въ концѣ 15 вѣка возвысившаяся Москва украсилась не менѣе пышными храмами.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

МОГИЗ
Магазин 9
5 р.

5 —
5542/Б 50.